

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ЭЛИТЫ РОССИИ

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.2>.

EDN: OGDUXA

*А.С. БЫСТРОВА¹,
В.Д. ДМИТРИЕВА¹,
А.В. ДУКА¹,
Н.В. КОЛЕСНИК^{1, 2},
Д.Б. ТЕВ¹*

¹ Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН 190005, Санкт-Петербург, ул. 7-я Красноармейская, д. 25/14

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия 199106, Санкт-Петербург, 25 линия Васильевского острова, д. 6.

СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ И ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ

Аннотация. В статье анализируется концепция структуры политических возможностей и оценивается ее объяснительный потенциал в исследованиях рекрутирования политической элиты. Рассматриваются такие составляющие структуры политических возможностей, как размер legislatures, особенности эволюции региональных избирательных систем, профессионализация законодательных позиций, характер взаимоотношений федерального центра и региональной власти, а также исполнительной и представительной властей региона. Объектом исследования выступают политические элиты десяти российских регионов. На основании анализа биографической базы данных, собранной за период 2005–2021 гг., авторы изучают влияние перечисленных выше факторов на бас-

сейн рекрутирования депутатов законодательных органов субъектов РФ. В частности, показано, что относительная малочисленность региональных легислатур способствует социальной закрытости депутатского корпуса, доминированию в нем выходцев из привилегированных социально-профессиональных групп. Непрофессиональный (любительский) характер большинства депутатских позиций, как и плюральная избирательная система, благоприятствует плутократизации политической элиты. В свою очередь, контроль губернаторов над представительной властью может проявляться в рекрутировании спикеров и других руководителей легислатур из регионального чиновничества. В исследовании учитываются региональный, культурный и социально-структурный контексты рекрутирования на властные позиции. Особое внимание уделяется специфике карьерных траекторий и проблематике гендерного дисбаланса во властных структурах. Анализ эмпирического материала позволяет не только проиллюстрировать выдвигаемые теоретические положения, но и проверить практическую применимость концепции структуры политических возможностей.

Ключевые слова: политические элиты, рекрутирование элит, гендер, структура политических возможностей, региональные избирательные системы, карьера, гендерный дисбаланс.

Для цитирования: Быстрова А.С., Дмитриева В.Д., Дука А.В., Колесник Н.В., Тев Д.Б. Структура политических возможностей и источники рекрутирования региональной политической элиты России // Власть и элиты. 2025. Т. 12. № 2. С. 38–109.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.2>. EDN: OGDUXA

ФАКТОРЫ РЕКРУТИРОВАНИЯ И СТРУКТУРА ПОЛИТИЧЕСКИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Факторы элитной (в частности, законодательной) карьеры и рекрутирования на властные, в т.ч. парламентские позиции многообразны. В качестве объясняющих факторов исследователи анализировали как персональные, так и структурные и контекстные характеристики. Первые долгое время были доминирующими. Причем теоретические схемы зачастую подтверждались эмпирическими исследованиями или наблюдениями. Так, суждение Г. Моска о том, что «за исключением коротких периодов насильственной революции, личные качества

всегда менее важны для достижения высших позиций в жизни, чем рождение или семья» [111, р. 123, 260–261], в значительной мере отражало устойчивые траектории восхождения по социальной лестнице в европейских традиционных и ранних современных обществах (первое издание книги вышло в 1896 г.). Гарольд Лассуэлл рассматривал элитное происхождение в качестве важного фактора продвижения наверх: «Среди неэлиты мы можем выделить индивидов, которые позже станут элитой, или тех, кому, по-видимому, суждено войти в элитный класс. Мы говорим о них как о предэлите. Хотя установленные курсы подготовки могут включать военные, дипломатические и гражданские должности для всех, предэлитная персона обычно может рассчитывать на гораздо более длительный период времени на каждом уровне и претендовать на получение высших должностей гораздо позже, чем лица элитного происхождения» [109, р. 127].

Отдавая должное родственным связям, В. Гутсман расширяет набор факторов карьерного продвижения: «Анализ *cursus honorum*¹ в политической элите показал, как хороший и ранний старт, материальная независимость, ранг и родственники помогли мужчинам подняться в политике» [99, р. 371]. В эпоху капитализма возможность стать членом элитного сообщества и достичь значимой позиции стала связываться с индивидуальными особенностями личности. Так, Х. Элау с коллегами на основе интервью с американскими законодателями четырех штатов выделяли несколько важных характеристик, способствующих успешному продвижению в верхние слои общества: знание политических технологий, вовлеченность в политику, гражданская позиция и преданность государству, политические амбиции, политическая «пригодность». Эти факторы были объединены исследователями в категорию «карьерные навыки» (*career skills*). При этом исследователи упомянули, что в разных штатах значение для карьерного роста имеют различные навыки, способности и квалификация [93, р. 232]. Существенную роль также играют «карьерное спонсорство» и «карьерные возможности».

¹ «Путь чести» — в Древнем Риме последовательность магистратур, через которые проходила карьера политиков сенаторского ранга. В данном случае автор использует этот термин по аналогии, что достаточно распространено в англо-американской литературе.

Как пишут авторы, «под “возможностью” мы понимаем конкретные обстоятельства, которые необходимо использовать по мере их возникновения, случайно или нет, а не выгодное положение в социальной структуре. В некотором смысле, конечно, распознавание и использование возможностей сами по себе являются навыками, которые отличают политика от обычного гражданина. Но возможности в том виде, в каком они были задуманы, по сути, зависят от ситуации, в которой осуществляется политическая карьера» [93, р. 235]. Такая субъективизация размывала в духе методологического индивидуализма грань между персональным и структурным и не позволяла проводить более тонкий анализ процесса рекрутирования политической элиты.

Остается еще вопрос о личной мотивации индивида при совершении выбора заняться политикой. Здесь нам видятся значимыми два аспекта. Во-первых, собственно мотивация продвижения в публичной сфере. В научной литературе показано разнообразие побуждений такого рода активности [108, р. 102; 21, с. 405–406; 46, с. 57–62; 60, с. 210]. Во-вторых, набор факторов, стимулирующих инициативу и упорство в карьерном продвижении. Исследование Э. Рекки показало, что «в итальянском случае на самостоятельный выбор начальных должностей в политической карьере влияли: (а) пол (политика воспринимается как типично мужское занятие), (б) наличие образовательной и/или профессиональной «страховки» от возможных карьерных неудач, (с) включенность в политический мир членов семьи, обеспечивающих модель идентичности для политической работы, и (d) предшествующая привязанность к спонсору, который может способствовать политическому использованию (е) большого объема социального капитала» [114]. Конечно, со времени проведения исследования Рекки кое-что изменилось, и ситуация в разных странах неодинакова. Тем не менее указанные факторы могут быть существенными при анализе индивидуального продвижения человека, ищущего политической карьеры. В более общем плане в литературе указывается, что существенное значение для мотивации достижения имеют социокультурная среда, структура семьи, влияние родителей [74, с. 175–199]. Кроме того, мотивация к участию — в данном случае политическому и управленческому — усложняется психосоциологическими парадоксами, которые могут сдерживать индивидов [83, р. 555].

Удачным структурированием разнообразных факторов индивидуального политического продвижения на элитные позиции можно считать модель элитного рекрутирования Б. Харасимива, стремящегося учесть разноуровневые механизмы и акторов, участвующих в данном процессе [100; 101]. Он выделяет две группы факторов рекрутирования на элитную позицию: «толкающие», действующие «снизу», со стороны претендента на нее, и «вытягивающие», действующие «сверху», со стороны производящих отбор персон и инстанций. В первую группу автор помещает профессиональную роль, социальный статус, мотивацию и пр., а во вторую — покровительство (связи), структуру политических возможностей, предпочтения селектората и пр. В этой классификации замечен определенный перекося в сторону субъективных, персонализированных оснований со стороны селекционных инстанций. Однако следует иметь в виду и институционализированность позиций отбирающих и «вытягивающих» персон. Сами эти персоны не случайны, а включены в систему институциональных взаимоотношений и структурно-функциональных требований к рекрутируемым индивидам. Использование модели Харасимива целесообразно, в частности, потому, что позволяет проанализировать, как та или иная социально-профессиональная позиция (например, регионального чиновника или бизнесмена) и сопряженные с ней ресурсы, компетенции и интересы влияют на возможности продвижения занимающей ее персоны на депутатские позиции, включая руководящие должности в легислатуре.

Особое значение в качестве фактора рекрутирования имеет «структура политических возможностей». Как писал Дж. Шлезингер, амбиции, которые «лежат в сердце политики» [120, р. 1], проявляются внутри данной структуры возможностей, формирующей карьерные выборы. Исследователь специально отмечал: «Я не включаю в структуру политических возможностей все возможности, которые открываются перед политиком. Особенно важно различать социальные и политические возможности» [120, р. 11]. Структура возможностей, по сути, представляет собой институциональную и политическую среду, в рамках которой индивид планирует свою карьеру. Согласно Й. Борхерту, она может быть аналитически разделена на четыре аспекта: структуру государства, структуру политических институтов, струк-

туру представительства и структуру политических организаций [83, р. 123]. Борхерт также отмечает, что, с точки зрения амбициозного претендента, институциональная структура возможностей может выражаться в наличии определенных должностей, их доступности (относительной легкости, с которой их можно получить) и привлекательности (то есть той власти, престижа, дохода, возможностей карьерного роста и других благ, которые эти посты предоставляют) [83, р. 121–123]. Сложные взаимодействия между тремя этими характеристиками, заданными структурой возможностей, являются основой индивидуальных расчетов, которые взвешивают относительные издержки и выгоды баллотирования на определенную должность [83, р. 123], в частности, на позицию в региональной легислатуре. И не следует забывать, что несмотря на то, что институциональные построения могут подталкивать искателей элитных позиций к активным действиям, они же «дают пищу для неосуществимых стремлений» [13, с. 196]. Ресурсное обеспечение стремлений очевидно неравномерно распределено [16].

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что в условиях разных политических режимов качественное состояние структуры политических возможностей кардинально различается. Более того, включение механизма авторитарной консолидации может значительно ограничить функционирование ряда институтов и организаций [32]. Состояние общества — в условиях социальных потрясений или в относительно спокойное («нормальное») время — задает характеристики политической циркуляции и, как следствие, специфику возможностей для выходцев из различных социальных групп [64, с. 441–450]. Если рассматривать ситуацию в общем социальном плане, существенно, что структурные и институциональные характеристики конкретного общества снижают или усиливают возможности восходящей мобильности. Сравнительное исследование структуры возможностей ФРГ и ГДР показало значимые различия, что связано с особенностями социально-профессиональной структуры, политическим контекстом, межпоколенческими отношениями, включая конкуренцию за социальные позиции [50].

В дальнейшем мы соотнесем параметры структуры институциональных политических возможностей с результатами наших иссле-

дований по десяти российским регионам. Эмпирическим основанием этих исследований является биографическая база данных, собираемая с 2005 г. Она формируется с применением структурно-биографического метода. Обозначенный метод сбора и анализа информации позволяет установить взаимосвязь между структурой региональных элит и биографией персон, образующих элитные группы [12, с. 158]. Стратегия исследования включала сбор биографических сведений, размещенных в открытых источниках. Из полученного массива данных выделялась релевантная для исследовательских задач информация, которая вносилась в структурированные биографические анкеты. Далее производились кодировка и ввод данных для последующей обработки в статистическом пакете SPSS. В итоге нами была получена база данных по десяти субъектам РФ, среди которых Санкт-Петербург, Ленинградская область, Ростовская область, Калининградская область, Костромская область, Хабаровский край, Москва, Новосибирская область, Ставропольский край и Республика Дагестан. Отбор регионов производился на основании комбинированной стратегии «наибольшего сходства» и «наибольшего различия» [12, с. 142–143]. Всего в базе данных 3035 наблюдений, из которых 1816 приходится на политиков, и 181 переменная, которая позволяет закодировать широкий спектр параметров (от социально-демографических до профессиональных), необходимый для изучения таких проблематик, как бассейн рекрутирования региональных элит, их карьерные траектории и пр.

Для предотвращения теоретической путаницы и недопонимания следует сказать, что рассматриваемый подход при сходстве названий и некоторых важных оснований отличается от идущей от Питера Эйзенгера и Сиднея Тэрроу концепции структуры политических возможностей, применяемой при анализе общественных движений и протестной активности [31].

РАЗМЕР РЕГИОНАЛЬНЫХ ЛЕГИСЛАТУР И ИСТОЧНИКИ РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Структура, характер и роль legislatures в обществе задает направление как процесса рекрутирования, так и его анализа [121, р. 627]. Количество потенциально доступных властных позиций (должностей),

«размер структуры возможностей» [119, р. 20] — одна из основных характеристик структуры политических возможностей [83; 118, р. 14]. Говоря в этом смысле о постсоветских региональных легислатурах, нужно отметить, что, в целом, они являются довольно компактными представительными органами, в сравнении, например, с предшествовавшими им советами народных депутатов. При этом численность депутатского корпуса, как соотношение между ней и численностью населения субъекта федерации, сильно варьируется в региональном разрезе. До 2010 г. количество региональных депутатов устанавливалось только конституциями и уставами субъектов РФ и весьма существенно различалось. По состоянию на 2009 г., самым многочисленным был представительный орган Тывы (162 депутата), а самым малочисленным — парламент Ненецкого автономного округа (НАО) (11 депутатов). В 2010 г. был утвержден действующий и поныне единый критерий численности депутатов региональных парламентов, предусматривающий наличие от 15 до 50 депутатов в регионах с населением менее 0,5 млн человек, от 25 до 70 депутатов в регионах с населением от 0,5 до 1 млн, от 35 до 90 депутатов в регионах, где проживают от 1 до 2 млн и от 45 до 110 депутатов в регионах с населением свыше 2 млн¹. В настоящее время наибольшее количество депутатов в Государственном собрании Башкортостана (110 чел.), а наименьшее — в Думе Чукотского автономного округа (ЧАО) (15 чел.). Несмотря на федеральное регулирование, показатель количества жителей на одного депутата очень сильно варьируется: в 2019 г. он составлял от 2 315 человек в НАО до 277 921 чел. в Москве². В определенной степени такое различие связано, во-первых, с возможностью групп интересов и гражданского общества в субъектах федерации влиять

¹ Федеральный закон от 21.12.2021 N 414-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // КонсультантПлюс [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2023. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/

² Исаченко С. Сколько депутатов в России? // Рестра. 08.04.2018 [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2023. URL: <https://restra.net/single-post/skolko-v-rossii-deputatov>

на институциональный дизайн структур власти, во-вторых, с тем, насколько инстанции и группы, принимающие решения, заинтересованы во включении в региональный публичный политический процесс внеэлитных акторов (что связано с некоторой транспарентностью), в-третьих, с наличием эффективных неформальных непубличных коммуникационных каналов согласования интересов между элитами и иными акторами.

Велика степень вариативности и между 10 рассматриваемыми в нашем исследовании регионами (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

**Количество депутатов региональных легислатур,
 численность населения и количество жителей,
 приходящихся на одного депутата, чел.**

*Number of regional legislature deputies, population size
 and number of residents per deputy, persons*

Субъект РФ	Количество депутатов региональной легислатуры	Численность населения (на 1 января 2023 г.)	Количество жителей на одного депутата
Республика Дагестан	90	3 209 781	35 664
Ставропольский край	50	2 891 204	57 824
Хабаровский край	36	1 284 090	35 669
Калининградская область	40	1 032 343	25 809
Костромская область	35	571 900	16 340
Новосибирская область	76	2 794 266	36 767
Ленинградская область	50	2 023 767	40 475
Ростовская область	60	4 164 547	69 409
Москва	45	13 104 177	29 1204
Санкт-Петербург	50	5 600 044	112 001

Как видим, среди исследуемых регионов лидером по числу депутатов на население является Костромская область, а аутсайдером — Москва.

Какое значение количество властных позиций в региональных легислатурах и, что важнее, их соотношение с численностью населения могут иметь с точки зрения особенностей бассейна рекрутирования законодателей? Можно предположить, что при прочих равных условиях чем меньше таких потенциально доступных позиций в органе представительной власти, чем выше соотношение между численностью населения и количеством депутатов, тем острее должна быть конкуренция за парламентские должности, тем больше ресурсов должно требоваться для их получения, тем более узким должен быть доступ к ним и, как следствие, тем более социально эксклюзивным и привилегированным должен быть состав тех, кто занимает властные позиции. В этой связи показательно, что депутатскому корпусу региональных легислатур (которые, как уже было отмечено, довольно компактны в сравнении с советами народных депутатов), постсоветской региональной политической элите, в целом свойственна высокая степень социальной закрытости с точки зрения бассейна ее рекрутирования, который довольно узок. В подавляющем большинстве члены политической элиты являются выходцами из высокостатусных социально-профессиональных групп. Как показывает анализ по десяти регионам, почти 90 % законодателей непосредственно перед вхождением в нынешнюю должность (и более 80 % перед вхождением в должность, предшествующую нынешней) занимали позиции депутатов, администраторов или бизнесменов, т.е. относились к тем или иным властным группам, «начальству», нередко входя в состав региональной властной элиты. На этом фоне мы обнаруживаем почти полное отсутствие в региональной политической элите выходцев из низших классов, рабочих и крестьян. Впрочем, и группы, занимающие средние, промежуточные позиции в социально-профессиональной структуре, также очень скромно представлены в современной региональной политической элите России. Так, например, только 3 % будущих депутатов были рекрутированы в нынешний созыв легислатуры непосредственно из сферы науки, культуры, образования и здравоохранения [11, с. 106–108], причем среди указанной группы обычно преобладают топ-менеджеры соответствующих, в основном бюджетных, организаций (ректоры вузов, главные врачи больниц, директора школ и их заместители) и мало рядовых врачей, преподавателей и учителей.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ

Избирательная система есть «совокупность правовых норм, определяющих, как итоги голосования преобразуются в результаты выборов». Иными словами, это правила перевода отданных за кандидатов голосов в реальные мандаты [48]¹. Не существует универсальной избирательной системы, применение которой обеспечило бы справедливые результаты выборов в любом контексте. Например, к плюсам мажоритарной системы традиционно относят близость к избирателю, достигаемую за счет отсутствия «посредника» в виде политических партий. Однако использование данной системы ставит вопрос о принципах выделения одномандатных избирательных округов, отвечающих требованию единой нормы представительства. Показателен проведенный А.Е. Любаревым экспертный опрос, по результатам которого 77 человек, или 71 % экспертов, высказались за недопущение как полностью мажоритарной, так и полностью пропорциональной системы на выборах в легислатуры субъектов РФ [49, с. 35–37].

Приоритезация конкретной избирательной системы связана также с проблематикой политической автономии законодательной власти. Это наглядно продемонстрировал А.В. Кынев, согласно которому история выборов в России в последнюю четверть века может быть разделена на пять этапов, соотносящихся с политической ситуацией в стране и нашедших свое выражение в реформировании избирательного законодательства [42].

¹ Некоторые исследователи придерживаются критической точки зрения на избирательный процесс: «Выборы не служат политическим мандатом; напротив, они выполняют функцию символического успокоения масс» [28, с. 125]. Конечно, политическая история и современность демонстрируют нам внушительные победы контрэлит на выборах. Однако, как заметил сотрудник австралийского консервативного Института общественных проблем Г. Джонс, «электорат выигрывает битву, элита выигрывает войну» [105]. Отечественные особенности электорального процесса сформулировала О.В. Гаман-Голутвина: «В современной России не парламент формирует исполнительную власть, а парламентарии избираются благодаря патронажу исполнительной власти и Администрации Президента РФ» [17, с. 123].

**1. Период от создания избирательного блока «Единство»
 («Медведь») до начала 2-го президентского срока
 В.В. Путина, 1999–2004 гг.**

Разнообразие региональных избирательных систем, отличавшее первый этап, сочеталось с относительно небольшой численностью депутатского корпуса во многих субъектах РФ. По итогам первых двух электоральных циклов средний размер региональных legislatures не достигал и 50 человек. Среди исследуемых нами регионов количество депутатов 1-го и 2-го созывов оставалось неизменным в Ростовской области (45 человек), Хабаровском крае (25), Москве (35), Санкт-Петербурге (50), Новосибирской области (49), Ставропольском крае (25) и Дагестане (121). Численность депутатов увеличилась в Ленинградской области (с 25 до 50), Калининградской области (с 21 до 32) и Костромской области (с 13 до 21). На общем фоне выделяются Дагестан и Санкт-Петербург, где относительно большой размер legislatures можно связать с представительством интересов конкретных групп — этнических и политических соответственно.

В рассматриваемый период эти два региона использовали мажоритарную систему, при которой необходимо набрать абсолютное большинство голосов избирателей. При высоком уровне общественной фрагментации это требование приводит к проведению второго тура выборов, в котором принимают участие лишь лидеры первого тура. Это стимулирует политических игроков к объединению в коалиции и препятствует победе кандидатов, придерживающихся радикальных (и экстремистских) взглядов. В российских реалиях конца 1990-х гг. мажоритарная система способствовала продвижению на втором туре лояльных центру кандидатов. В Дагестане мажоритарная система применялась как инструмент сглаживания межэтнических конфликтов, в то время как в 1998 г. в Петербурге она негативно сказалась на электоральных результатах оппозиционной партии «Яблоко».

Широкое распространение в рассматриваемый период получила *плюральная система* — мажоритарная избирательная система относительного большинства. В регионах она воспроизводила общероссийскую электоральную картину, при которой места в legislatures получали «либо беспартийные ставленники исполнительной власти и бизнеса, либо выдвиженцы компартии». Это сдерживало фрагмен-

тацию региональных партийных систем, возникающую при использовании пропорциональной избирательной системы. Последняя частично применялась в Калининградской области, где 5 из 32 депутатов проходили по партийным спискам. Однако в условиях стремления администраторов к консолидации власти в регионе выборы по пропорциональной системе были политически невыгодны, поскольку предполагали наличие партии как важного актора электорального процесса. В таком случае исполнительная власть, не способная к созданию партии законодательного большинства, теряла контроль над региональными депутатами [26].

Резюмируя, слабость законодательной власти на местах фиксировалась как косвенно (низкая численность депутатского корпуса), так и напрямую, в рамках избирательных систем. В субъектах РФ возник общественный запрос на ослабление региональных администраторов, совпавший со стремлением федеральной власти к централизации. В 2001 г. был принят закон «О политических партиях», ужесточивший процедуру регистрации политических партий и сделавший их федеральными. С 2005 г. партии лишились права на создание избирательных блоков с общественными организациями. В 2002 г. был издан закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», согласно которому не менее 50 % региональной легислатуры (или одной из ее палат) должны были избираться по пропорциональной системе. Половина депутатов выдвигалась от политических партий, зарегистрированных в федеральном центре, т.е. выводилась из-под влияния исполнительной власти региона [42, с. 62–66].

2. Период от 2-го президентского срока В.В. Путина до начала «болотных» протестов, 2004–2011 гг.

В конце 2004 г. произошло изменение законодательства о политических партиях. Были увеличены показатели, необходимые для официальной регистрации партии: в пять раз возросла минимальная численность партии (с 10 до 50 тыс. человек) и в половине субъектов РФ партийные отделения должны были иметь минимум не 100, а 500 членов. Это привело к сокращению числа политических партий и, как следствие, к упрощению контроля за их деятельностью со сто-

роны центра. На практике это означало, что попадание региональных политиков в списки кандидатов, выдвинутых на выборы политическими партиями, зависело от одобрения федеральной власти [42, с. 66–68].

Важно отметить, что уже после введения в 2002 г. обязательного избрания половины региональной легислатуры по пропорциональной системе перед депутатами возникла дилемма: либо изменить количество избирательных округов, либо увеличить численность состава законодательного органа. В первом случае территория субъекта РФ на основе единой нормы представительства делилась на одномандатные округа, от которых теперь избирались не большинство, а 50 % депутатов (в отличие от преваляровавшей ранее плюральной системы). Происходило укрупнение избирательных округов и, как следствие, удорожание предвыборной кампании. Во втором случае размер округов оставался прежним, что достигалось за счет расширения региональной легислатуры и противоречило стремлению исполнительной власти осуществлять контроль над представительным органом. Среди субъектов РФ, в которых была заметно снижена численность депутатского корпуса, оказался Дагестан (со 121 до 72 человек). Напротив, наибольший рост количества депутатов в это время наблюдался в Ставропольском крае и Новосибирской области (в каждом регионе в 2 раза), а также в Костромской области (с 24 до 36 человек) [43, с. 109–112].

3. Политический кризис после выборов в Государственную думу, 2011 г.

Согласно В.Я. Гельману, к 2011–2012 гг. в России сформировался режим, который может быть маркирован как «электоральный» авторитаризм¹. Специфика такого режима заключается в акценте на значимости института выборов, включая регулярность их проведения и поддержание ограниченной конкуренции, в качестве инструмента легитимации власти на внутривнутриполитической и международной арене. Опорой электорального авторитаризма стали «вертикаль власти» и до-

¹ В классификации Ф. Закарии он, скорее, подпадает под тип «нелиберальной демократии» (*illiberal democracy*) [35]. Это существенное терминологическое различие фиксирует разные аналитические перспективы и интерпретации.

минирующая партия («Единая Россия»), а также установление высоких барьеров вхождения в электоральный процесс [22].

В условиях федеративного государства можно говорить о региональном преломлении электорального авторитаризма. Проведенное Р.Ф. Туровским в 2011 г. исследование национализации / регионализации партийной системы выявило «типичные», т.е. склонные голосовать как страна в целом, и «девиантные» субъекты РФ. Из исследуемых нами регионов в первую группу попали Ростовская область и Ставропольский край. Скорее типичным субъектом федерации оказалась Москва, что можно связать с вопросом об уровне фальсификаций на выборах 2011 г. [48, с. 220]. Девиантные регионы были разделены на лояльные, отдававшие голоса за «Единую Россию» (Дагестан), и голосовавшие скорее за оппозиционные партии (Костромская область) [71, с. 109–111].

В целом сжатие политического поля привело к учащению протестного голосования, а после выборов в Государственную думу VI созыва — к массовым протестам. Отсутствие широкого спектра альтернатив выразилось в росте общественного недовольства и голосовании не за определенную политическую силу, а против «Единой России» как доминирующей партии. События конца 2011 г. выявили необходимость реформирования партийного законодательства. Минимальная численность членов была резко снижена (до 500 человек), а сбор подписей для участия в выборах как партий, так и выдвигаемых ими кандидатов был отменен. Это способствовало возникновению новых партий, часть из которых была призвана «распылять» голоса оппозиционно настроенных избирателей [42, с. 68–70].

4. Период между двумя волнами массовых протестов: от Болотной площади до пенсионной реформы, 2011–2018 гг.

Изменение законодательства также открыло возможность для создания политических акторов, которые могли бы конкурировать с «партией власти» на региональном уровне. В связи с этим федеральный центр предпринял шаги по снижению роли партий в электоральном процессе. В 2013 г. был обнародован «закон Клишаса», в соответствии с которым уже не 50 %, а не менее 25 % региональной легислатуры должно формироваться по пропорциональной системе.

Увеличение доли депутатов, проходящих по одномандатным округам, предполагало рост затрат на избирательные кампании. Большие шансы на электоральный успех должны были иметь кандидаты, обладавшие личными ресурсами: материальными, организационными и пр. Однако в российском контексте 2010-х гг. распространенной практикой стало получение административной поддержки, ставившее депутатов в зависимое от федеральной власти положение. Ограничение на участие в выборах новых акторов накладывал также тот факт, что в 2014 г. было возвращено требование по сбору подписей политическими партиями, с резким повышением барьера до 3 % избирателей округа [42, с. 70–73].

Предписания «закона Клишаса» не затрагивали Москву и Санкт-Петербург, которые могли установить избирательную систему самостоятельно. В 2014 г. выборы в Московскую городскую Думу прошли по плюральной системе. Среди аргументов в поддержку выдвижения кандидатов исключительно по одномандатным округам назывались представительство интересов избирателей и ответственность перед ними (один депутат на 160 тыс. москвичей). Данная система должна была также препятствовать голосованию за «паровоз» — лидера, который проводит в легислатуру весь партийный список¹. В итоге после изменения законодательства некоторые субъекты РФ, избирательные системы которых стали тяготеть к плюральной, расширили состав легислатур. За счет разукрупнения избирательных округов на 10 человек увеличился депутатский корпус столицы, Ростовской области и Хабаровского края.

Следует также отметить, что к 2018 г. во многих регионах оформились устойчивые паттерны избирательного процесса. Проведенный политологами кросс-региональный анализ выборов в легислатуры (циклы 2008–2012 гг. и 2013–2017 гг.) позволил классифицировать субъекты РФ по уровню электоральной конкуренции. Среди регионов, для которых характерно наличие «авторитарного гегемона», оказались Ростовская область и Дагестан. В таких режимах доминирующий

¹ Мосгордума одобрила переход к мажоритарной системе выборов // Российская газета. 22.01.2014 [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://rg.ru/2014/01/22/vibori-site-anons.html>

политический актор, обычно губернатор, осуществляет контроль за выдвижением и избирательными кампаниями кандидатов. Напротив, в качестве конкурентного региона, где победа правящей партии не определена заранее, был маркирован Санкт-Петербург. Авторитарными режимами с умеренной конкуренцией по результатам анализа были названы Калининградская и Новосибирская области, в которых не наблюдаются сильные оппозиционные настроения. Особенность этих субъектов федерации в том, что их региональные элиты способны к консолидации в рамках пропорционального компонента избирательной системы (что обеспечивает победу «Единой России»), но не могут преодолеть внутриэлитные конфликты при прохождении по одномандатным округам, поддерживая тем самым конкуренцию. Значимость личностного фактора продемонстрировала Москва, которая после отставки Ю.М. Лужкова с поста мэра более не классифицировалась как гегемонистский авторитарный региональный режим [117].

5. Период после социальных протестов, 2018 г. — настоящее время.

После массовых выступлений против пенсионной реформы общественное недовольство вновь, как во время кризиса 2011 г., воплотилось в протестном голосовании. В условиях небольшого количества партий электоральный успех в ряде субъектов РФ одержали представители системной оппозиции. Ответной мерой со стороны федерального центра стало сокращение в наиболее «проблемных» регионах доли депутатского корпуса, избираемой по пропорциональной системе. Среди таких субъектов РФ выделяется Хабаровский край, где «правящей партией» во время губернаторства С.И. Фургала (с 2018 по 2020 гг.) стала ЛДПР. Однако и по одномандатным округам кандидаты «Единой России» проходили на региональных выборах лишь в 70 % случаев [42, с. 73–74].

К современному этапу «закон Клишаса» практически перестал применяться и многие регионы вернулись к системе, сочетающей плюральный и пропорциональный компоненты в соотношении 50/50. Основные параметры избирательных систем в исследуемых нами десяти субъектах РФ отражены в таблице 2 (см. табл. 2).

Таблица 2 (Table 2)

Избирательные системы региональных legislatures

Electoral systems of regional legislatures

Субъект РФ	Количество депутатов региональной legislatures, чел.	Избирательная система
1	2	3
Санкт-Петербург	50	25 депутатов — по одномандатным избирательным округам 25 депутатов — по единому избирательному округу
Ленинградская область	50	50 % от установленного числа депутатов — по одномандатным избирательным округам 50 % от установленного числа депутатов — по общеобластному избирательному округу
Ростовская область	60	40 депутатов — по одномандатным избирательным округам 20 депутатов — по единому избирательному округу
Калининградская область	40	20 депутатов — по одномандатным избирательным округам 20 депутатов — по единому избирательному округу
Костромская область	35	25 депутатов — по одномандатным избирательным округам 10 депутатов — по единому областному избирательному округу
Хабаровский край	36	24 депутата — по одномандатным избирательным округам 12 депутатов — по единому избирательному округу
Москва	45	Выборы депутатов Мосгордумы проводятся по одномандатным избирательным округам

Окончание табл. 2

1	2	3
Новосибирская область	76	38 депутатов — по одномандатным избирательным округам 38 депутатов — по единому областному избирательному округу
Ставропольский край	50	25 депутатов — по одномандатным избирательным округам 25 депутатов — по единому избирательному округу
Республика Дагестан	90	Депутаты Народного Собрания избираются по республиканскому избирательному округу

Примечание. Сведения собраны на официальных сайтах региональных legislatures и сайтах-агрегаторов правовой документации¹.

Note. The information is collected on the official websites of regional legislatures and legal documentation aggregators.

¹ Закон Санкт-Петербурга от 17 февраля 2016 г. № 81-6 (ред. от 31.05.2023) «О выборах депутатов Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» // Законодательное Собрание Санкт-Петербурга [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <http://www.assembly.spb.ru/ndoc/doc/0/537988851>; Закон Ленинградской области от 1 августа 2006 г. № 77-оз (ред. 26.05.2023) «О выборах депутатов Законодательного собрания Ленинградской области» // ГАРАНТ [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://base.garant.ru/7910531/>; Областной закон Ростовской области от 18 сентября 2002 г. № 270-ЗС (ред. от 23.03.2023) «О Законодательном Собрании Ростовской области» // Законодательное Собрание Ростовской области [электронный ресурс]. Дата обращения 06.08.2025. URL: <https://zsro.ru/o-zakonodatelnom-sobranii/pravovye-osnovy-deyatelnosti-zakonodatelnogo-sobraniya/>; Историческая справка о Законодательном Собрании Калининградской области // Законодательное Собрание Калининградской области [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://zaksob39.ru/duma/history/>; Устав Костромской области от 24 апреля 2008 г. № 300-4-ЗКО (ред. от 25.12.2019) // Костромская областная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://www.kosoblduma.ru/laws/region/article/ustavKO.html>;

Рис. 1. (Fig. 1.) Шкала избирательных систем региональных legislatures
Scale of Electoral Systems of Regional Legislatures

Размещение анализируемых регионов на шкале от плюральной до пропорциональной системы дает следующие результаты (см. рис. 1). «Крайними точками» оказываются Москва, где все депутаты Мосгордумы выдвигаются по одномандатным округам, и Дагестан, Народное Собрание которого, напротив, целиком избирается по республиканскому округу. Ровно посередине шкалы располагаются пять регионов (Санкт-Петербург, Ленинградская область, Калининградская область, Новосибирская область и Ставропольский край), legislatures которых

Общие сведения // Законодательная Дума Хабаровского края [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <http://www.duma.khv.ru/?a=270100256>; Закон г. Москвы от 6 июля 2005 г. № 38 (ред. от 31.05.2023) «Избирательный кодекс города Москвы» // Общественная палата города Москвы [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: https://ormoscow.ru/documents?id_653=141; Закон Новосибирской области от 15 февраля 2007 г. № 87-ОЗ (ред. от 04.10.2023) «О выборах депутатов Законодательного Собрания Новосибирской области» // ГАРАНТ [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://base.garant.ru/7177390/>; Закон Ставропольского края от 27 июля 2006 г. № 68-кз (ред. от 09.10.2018) «О выборах депутатов Думы Ставропольского края» // Дума Ставропольского края [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://www.dumask.ru/official/zakonodatelnye-osnovy-deyatelnosti/item/2782-news14082.html>; Закон Республики Дагестан от ноября 2006 г. № 50 (ред. от 20.03.2023) «О выборах депутатов Народного Собрания Республики Дагестан» // Консорциум Кодекс [электронный ресурс]. Дата обращения 05.11.2023. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802077759>

в одинаковой степени формируются по плюральной и пропорциональной системам: 50 % депутатов проходят по одномандатным округам и 50 % — по избирательному округу, образуемому на всей территории субъекта РФ. Оставшиеся регионы тяготеют скорее к плюральной системе: по одномандатным округам выдвигается 71,4 % кандидатов в депутаты Костромской области, 66,7 % — Ростовской области и Хабаровского края.

Говоря о специфике функционирования пропорциональной системы в российских реалиях, важно отметить, что электоральные результаты партий и, как следствие, конфигурация политических сил в легислатурах, сильно варьируются в субъектах федерации. Как продемонстрировал в своем исследовании П.В. Панов, несмотря на реализуемую центром политику унификации, в период 2007–2021 гг. своеобразие партийно-электорального ландшафта субъектов РФ достаточно устойчиво воспроизводилось на выборах как в Государственную Думу, так и в региональные легислатуры. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют о ключевой роли социокультурного (доля этнических меньшинств) и исторического (индекс специфики политической истории регионов РФ) факторов в определении партийно-электорального ландшафта субъектов федерации. Большое влияние оказывает также географический фактор, который является статистически значимым при учете не территориальной удаленности от центра, а расположения региона «за Уралом», в восточной части России [55].

Полностью пропорциональная избирательная система используется в Дагестане — одной из северокавказских республик, где отсутствует доминирующий этнос и, соответственно, основание для единообразного голосования. Решающую роль на выборах в Дагестане играют внутриэлитные договоренности, посредством которых отражается и презентруется полиэтническая структура населения. Если в 1990-е гг. при формировании Народного Собрания применялись официально установленные этнические и «женские» квоты, то после электоральной реформы 2002 г. они были отменены. С этого времени гарантия представительства основных этнических групп во власти реализуется через неформальные практики распределения политико-управленческих позиций, включая места в региональной легислатуре [56; 47, с. 282–287]. Предположительно, квотирование мандатов

между этническими сегментами общества проще осуществить при наличии «чистой» избирательной системы: либо через выдвижение исключительно по одномандатным округам, либо при составлении партийных списков по единому округу. В связи с этим после введения требований о наличии пропорционального компонента избирательная система Дагестана из мажоритарной была постепенно преобразована в пропорциональную.

В свою очередь, плюральная система в чистом виде применяется в Москве, где с 2014 г. все депутаты Мосгордумы выдвигаются по одномандатным округам. Однако интересен и пример Костромской области, избирательная система которой тяготеет к плюральной. Данный регион характеризуется высоким уровнем протестных настроений, что сказывается на электоральном процессе. В 2000-е гг. на выборах в Костромскую областную Думу наблюдались конкурентная борьба, падение явки избирателей и высокая доля проголосовавших «против всех» (в 2005 г. эта опция оказалась второй по приоритетности). Среди депутатов, прошедших в легислатуру 4-го созыва по одномандатным округам, большую часть составили самовыдвиженцы и оппозиционеры. В целом на выборах в Костромскую Думу 3–5 созывов электоральный успех одерживали бизнесмены, образовывавшие от 53 % до 70 % легислатуры. Костромская область, в сравнении с другими регионами ЦФО (Владимирской, Ивановской и Тверской областями), обладала самым высоким абсолютным показателем «олигархизации» легислатуры, т.е. «концентрации активов и валовой прибыли в руках депутатов-собственников» [58; 59].

В настоящее время хозяйственно-экономическая сфера как предэлитная деятельность остается значимой для 73 % депутатского корпуса Костромской области. Это наивысший показатель среди исследуемых нами субъектов РФ. Прямые выходцы из бизнеса, для которых предшествующая работа связана с занятием ключевых постов на предприятиях, образуют 37,5 % политической элиты региона. При этом в 2020 г. Костромская область заняла предпоследнее место среди регионов ЦФО по ВРП на душу населения¹. Следовательно, плутократи-

¹ Регионы России. Социально-экономические показатели. 2022. М.: Росстат, 2022. С. 462.

ческое рекрутирование депутатов может быть объяснено наличием у бизнесменов достаточного количества ресурсов (финансовых, позиций основных работодателей и пр.), мобилизация которых предоставляет им преимущество при организации избирательных кампаний в одномандатных округах [11, с. 88–89, 100–106]. Пример Костромской области подтверждает важность учета экономических факторов, даже если они не показывают статистически значимых коэффициентов при изучении конкретных избирательных систем [55, с. 215–216].

Таким образом, взятый федеральным центром в 2000-е гг. курс на унификацию электоральных процессов в регионах нашел свое выражение в создании «рамочного» законодательства, с течением времени изменявшегося и подстраивавшегося под политическую конъюнктуру. При этом сохранилась и вариативность избирательных систем, обусловленная существенными отличиями субъектов РФ по целому ряду параметров: от этнического состава населения до экономической ситуации. Сложившиеся (ре)конфигурации плюральной и пропорциональной систем, которые в чистом виде представлены Москвой и Дагестаном, можно рассматривать в качестве частных случаев «баланса сил» между национализацией и регионализацией выборов в субъектах РФ.

ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ПОЗИЦИЙ КАК ФАКТОР РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Одной из важных характеристик структуры политических возможностей, от которых зависит привлекательность депутатских позиций в региональных легислатурах, является степень их профессионализации. Иными словами, в какой мере депутаты осуществляют свою деятельность на профессиональной постоянной основе или, напротив, являются непрофессионалами, совмеща свои обязанности с внешней, основной занятостью. Барьером, помимо нормативного регулирования, выступают время и деньги. Живет индивид «для» политики или «за счет» политики: имеет ли он возможность без дохода от нее ею заниматься — важнейший в этом плане вопрос [14, с. 653–656]. Надо заметить, что лишение на данном основании выходцев из различных социальных групп возможности исполнять депутатские обязанности

имеет давнюю историю. Прямой и косвенный имущественный ценз отсекает малоимущие социальные слои и индивидов, занятых на работе ежедневно. Борьба за оплачиваемый депутатский труд велась организованно еще в XIX в. Одним из требований Народной хартии чартистов 1838 г. было вознаграждение депутатов [20, с. 7–8; 62, с. 189]. Противоположный порядок «необходимо означает «плутократическое» рекрутирование политических руководящих слоев» [14, с. 655]. Это демонстрируют и наши исследования.

В целом для региональных легислатур РФ характерен относительно низкий уровень профессионализации. Так, по данным на 2009 г., в большинстве регионов основная часть депутатов работала на непостоянной, неоплачиваемой основе, при этом только в 9 субъектах все депутаты были профессионалами¹. В 2015 г. уже только в двух регионах (Санкт-Петербурге и Чеченской республике) все депутаты работали на профессиональной основе, при этом в 65 регионах таких депутатов было меньшинство, в том числе в 34 регионах их было менее четверти². О степени профессионализации депутатских позиций в 10 рассматриваемых регионах свидетельствует таблица 3 (см. табл. 3).

Как демонстрируют полученные нами данные, ситуация сильно варьируется: если в двух регионах (Санкт-Петербурге и Ленинградской области) доминируют парламентарии-профессионалы, причем в Петербурге таковыми являются все депутаты, то во всех остальных субъектах большинство заняты «любительским» парламентаризмом.

¹ Подсчитано по: Щипанов А.В. Обзор законодательства субъектов Российской Федерации о законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Екатеринбург, 2009 // Уральский институт регионального законодательства [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2023. URL: <http://www.uirz.ru/Obzor/obzor3.html>

² Подсчитано по: Рейтинг региональных парламентов по числу депутатов, работающих на постоянной основе // Дума Ставропольского края. 2015 [электронный ресурс]. Дата обращения 06.08.2025. URL: <https://www.dumask.ru/analiticheskie-materialy/analiticheskie-zapiski/item/15044-рейтинг-per.html>

Таблица 3 (Table 3)

**Количество и доля депутатов, работающих на постоянной основе
 в рассматриваемых субъектах РФ, чел.**

*Number and proportion of deputies working on a permanent basis
 in the subjects of the Russian Federation under consideration, persons*

Субъект РФ	Количество депутатов региональной легислатуры, чел.	Количество депутатов, работающих на постоянной основе, чел.	Доля депутатов, работающих на постоянной основе, % (округленно)
Республика Дагестан	90	32 (2021)	36
Ставропольский край	50	23 (2021)	46
Хабаровский край	36	12 (2022)	33
Калининградская область	40	17 (2021)	43
Костромская область	35	13 (2022)	37
Новосибирская область	76	26 (2023)	34
Ленинградская область	50	42 (2021)	84
Ростовская область	60	15 (2023)	25
Москва	45	15 (2023)	33
Санкт-Петербург	50	50 (2023)	100

Примечание. Сведения о количестве депутатов, работающих на постоянной основе, собраны из открытых источников¹.

Note. Information on the number of deputies working on a permanent basis is collected from open sources.

¹ Тимур Гусаев: «Очень жаль, что люди не поверили в серьезность вируса с самого начала» // Дербент. 01.02.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://derbend.ru/2021/02/01/timur-gusaev-ochen-zhal-chto-lyudi-ne-poverili-v-sereznost-virusa-s-samogo-nachala/>; В новом созыве облдумы за зарплату работают меньше депутатов // РБК. 18.11.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 28.07.2023. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/18/11/2021/619616a39a7947a463683d9a>; Закон от 25 декабря 2006 года N 81-ОЗ «О статусе депутата Законодательного Собрания Новосибирской области (с изменениями на 20 февраля 2023 года)» // Консорциум Кодекс [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://docs.cntd.ru/document/5423802>; Областной закон Ростовской

Какое значение имеет уровень профессионализации депутатских позиций с точки зрения особенностей источников рекрутирования законодателей? Институциональный дизайн региональных легислатур,

области от 21 февраля 2019 г. N 92-ЗС «О внесении изменения в статью 3 Областного закона «О Законодательном Собрании Ростовской области». Обзор документа // ГАРАНТ. 02.03.2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/rostov/1261819/>; Первое заседание Думы Ставропольского края седьмого созыва. 01.10.2021 // Вечерка. 01.10.2021 [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://vechorka.ru/article/pervoe-zasedanie-dumy-stavropolskogo-kрая-sedьmogo-sozyva/>; Обобщенная информация об исполнении депутатами Законодательной Думы Хабаровского края обязанности представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2022 год // Законодательная Дума Хабаровского края [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: [http://duma.khv.ru/Site.aspx?p=270100002~77700009~\[doc\]270121661&p270100002=~77700009~\[doc\]270121643&p270101416=~77700010~\[docs\]270101567&p270100003=~13~2701019743](http://duma.khv.ru/Site.aspx?p=270100002~77700009~[doc]270121661&p270100002=~77700009~[doc]270121643&p270101416=~77700010~[docs]270101567&p270100003=~13~2701019743); Обобщенная информация об исполнении депутатами Костромской областной Думы обязанности представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2022 год // Декларатор [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://declarator.org/office/view-file/205796/>; Сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера депутата Законодательного собрания Ленинградской области, его супруги (супруга) и несовершеннолетних детей за период с 1 января по 31 декабря 2021 года // Законодательное собрание Ленинградской области [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: https://www.lenoblzaks.ru/media/documents/Сведения_о_доходах_и_имуществе_депутатов_за_2021_год.pdf; Обобщенная информация об исполнении (о ненадлежащем исполнении) депутатами Московской городской Думы обязанности представить сведения о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера за 2022 г. // Декларатор [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <https://declarator.org/office/view-file/205792/>; Закон Санкт-Петербурга от 8 февраля 1995 года N 13-з «О статусе депутата Законодательного Собрания Санкт-Петербурга» // Официальный интернет-портал правовой информации [электронный ресурс]. Дата обращения 27.07.2023. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&p revDoc=131042219&backlink=1&&nd=131004778>

при котором большинство их членов вправе работать на непостоянной основе, сочетая свои обязанности с основной внешней занятостью, выгоден представителям привилегированных социально-профессиональных групп и, прежде всего, бизнесменам, способствуя их массовому притоку в региональные парламенты. Во-первых, такие деятели, занимая ключевые должности в организациях, контролируя свои собственные условия труда и свое рабочее время, а также имея значительные финансовые ресурсы, часто в состоянии совмещать основную работу с депутатской деятельностью (в том числе и отчасти жертвовать ею ради законодательной работы). Этого нельзя сказать об основной массе наемных работников, которые не обладают необходимыми для такого совмещения свободным временем и материальными возможностями (карьерной и финансовой гибкостью). Во-вторых, имея процветающую внешнюю карьеру, бизнесмены и иные высокопоставленные деятели не заинтересованы в том, чтобы покидать свои привилегированные позиции. Возможность совмещения депутатской деятельности с основным местом работы выгодна им, поскольку устраняет опасность существенно проиграть в доходе, престиже или властных возможностях при переходе в депутаты на постоянной основе. Напротив, лица, занимающие позиции низшего и среднего звена, часто заинтересованы в таком переходе, что принесло бы им выигрыш в плане дохода, власти и престижа.

Другими бенефициариями частично профессиональной легислатуры являются депутаты с постоянной занятостью в региональных парламентах. Они имеют возможность концентрировать в своих руках властные полномочия, организацию работы законодательных ассамблей и распоряжение ресурсами. Важным аспектом является оперативность получения информации и реагирования. Постоянно действующие депутаты имеют в этом отношении отчетливое преимущество. Время, являясь в этом случае административным ресурсом, конвертируется в решения. Существенными являются и тенденции «последних десятилетий, ввиду которых индивидуальный статус депутатов был ослаблен, а коллегиальные начала в деятельности представительных органов, напротив, усилены» [27, с. 123]. Следствием этого является ослабление автономной контрольной и представительной деятельности конкретного депутата.

Словом, при прочих равных условиях, чем меньше в легислатуре (в частности, региональной) профессионализированных позиций, чем более развит институт парламентского совместительства и «любительский» парламентаризм, тем более значительной может быть доля бизнесменов и выходцев из других привилегированных социально-профессиональных групп среди депутатов. Связь непрофессионального принципа организации депутатской деятельности с особенностями рекрутирования депутатского корпуса подтверждает и западный опыт. В частности, как отмечают исследователи, в Швейцарии поддержание «полупрофессионального» характера федерального парламента «ведет к искаженному представительству», когда «большие части электората лишены своего права быть избранными» [127, р. 381]. Федеральное собрание Швейцарии «имеет чрезвычайно маленький, экономически ограниченный базис рекрутирования. Для того чтобы быть в состоянии позволить себе такую должность «на неполный рабочий день», надо быть или самостоятельно занятым, или работать на очень гибкого работодателя. Тот факт, что только 8 % населения, но более половины избранных парламентариев, являются самостоятельно занятыми, подтверждает это впечатление» [127, р. 383]. Показательно и то, что к концу 1980-х гг. на каждого члена швейцарского парламента, в среднем, приходилось 5,6 мест в советах директоров [127, р. 378]. Другое исследование выявило, что в США существует позитивная связь между профессионализацией легислатур штатов и представительством в них Демократов (и, напротив, негативная — для Республиканцев). Это обусловлено тем, что Демократы заинтересованы в профессиональном парламентаризме, поскольку, переходя на постоянную законодательную работу, они выигрывают в доходе и престиже, а «любительский» парламентаризм им невыгоден, поскольку его трудно совмещать с основной работой. Иная ситуация у Республиканцев, которые, с одной стороны, имеют процветающие внешние карьеры (например, в бизнесе) и не заинтересованы в том, чтобы прекращать их ради профессиональной законодательной работы, а, с другой стороны, благодаря карьерной и финансовой гибкости, они могут совмещать основную занятость с «любительским» парламентаризмом [94].

Что касается рассматриваемых регионов РФ, примечательно, что наиболее низкие уровни плутократизации (непосредственного вхож-

дения экономических акторов в политические институты), если судить по показателю предшествующей работы, демонстрируют депутатские корпуса Санкт-Петербурга и Ленинградской области, для легислатур которых характерна наибольшая профессионализация (как видно из таблицы 3, соответственно 100 % и 84 % депутатов). В Петербурге только 11 %, а в Ленинградской области 19 % парламентариев непосредственно перед избранием руководили экономическими структурами [11, с. 101]. В то же время наиболее широко представлены прямые выходцы из бизнеса среди политической элиты Ростовской области (для которой характерна наименьшая профессионализация легислатуры — всего 25 %). В этом регионе 40,5 % народных избранников занимали ключевые позиции на предприятиях перед тем, как войти в нынешнюю должность [11, с. 101–102]. Также показательно, что высшая политическая элита легислатур (спикер, вице-спикеры и председатели комитетов), которая, в отличие от рядовых депутатов, чаще всего работает на постоянной основе, в меньшей степени рекрутируется из бизнеса. Так, только 17 % и 31 % ее представителей занимали соответственно предшествующую и предпредшествующую должности в бизнесе, в сравнении с примерно 30 % и 40 % всех депутатов [11, с. 101].

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛЕГИСЛАТУР С ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТЬЮ И БАССЕЙН РЕКРУТИРОВАНИЯ ДЕПУТАТОВ

Характер взаимоотношений исполнительной и представительной властей региона и, в частности, уровень автономии легислатуры от губернатора также является одной из важных характеристик структуры возможностей законодательной карьеры. Надо сказать, что роль легислатур в системе власти субъектов РФ исторически менялась. В 1990-е гг. имело место относительное разнообразие региональных политических режимов и, в связи с этим, типов легислатур [23; 41]. Хотя в этот период во многих регионах парламенты были подчинены исполнительной власти, где-то они играли значительную самостоятельную роль, а иногда даже возникали легислатуры, оппозиционные губернаторам. Однако в конце 1990-х — начале 2000-х гг. легислатуры ослабли, как правило, оказавшись под контролем глав регионов, что

характерно и для настоящего времени [29, 70; 77; 98]. Этот контроль осуществляется «главным образом посредством патронажной машинной политики, которая... включает в себя выстраивание устойчивых связей между действующим губернатором и его клиентами в региональных законодательных элитах» [98, р. 557–558].

Ослабление региональных легислатур, однако, не означает, что они являются просто *rubber stamp* парламентами («резиновым штампом», заверяющим любые решения администрации). При всей своей зависимости от региональных администраций, ЗС обладают существенными полномочиями (от принятия бюджета и программ социально-экономического развития субъектов РФ до утверждения назначений чиновников) и обычно остаются довольно значимыми институтами, а не декоративными «витринами», играющими чисто символическую роль. Об этом косвенно говорит то, что легислатуры, как правило, включают крупных по региональным меркам бизнесменов и других высокопоставленных персон и в целом членство в них традиционно ассоциируется с элитным статусом [97, р. 5]. В литературе неоднократно указывалось на то, что легислатуры в авторитарных условиях выполняют важные функции, способствуя повышению жизнеспособности режима [96; 104; 110; 115; 128]. Одна из этих функций заключается в кооптации оппозиции и ослаблении социального протеста [115; 72]. Кроме того, что связано с предыдущей функцией, легислатуры выступают как арены, на которых различные члены и сегменты властной (прежде всего региональной) элиты согласовывают свои интересы, ведут торг, переговоры и соревнуются друг с другом за влияние и блага [115, р. 238].

Можно утверждать, что несмотря на то что в современных условиях господства субнационального авторитаризма региональные легислатуры обычно слабые институты, сильно зависимые от региональных администраций, степень автономии и влияния этих органов и их руководства все же варьируется в региональном разрезе. Об этом, в частности, свидетельствуют рейтинги влияния региональных парламентов и их спикеров¹. Причем в некоторых случаях, если не ле-

¹ Володенков С.В., Инжинова А.Д. Заключительный отчет научно-исследовательской работы по теме «Деятельность законодательных (представи-

гислатуры в целом, то их спикеры могут приобретать политический вес, сопоставимый с влиянием главы региона. Примером является бывший спикер Законодательного собрания Петербурга В.С. Макаров. Как писали в прессе, «при губернаторе Георгии Полтавченко Макаров возглавил ЗакС, добился полной лояльности парламента себе, взял под контроль многие муниципалитеты, районные администрации и избирательные комиссии, став едва ли не самым влиятельным политиком Петербурга. И тем самым фактически загнал “тишайшего” Полтавченко в политический тупик»¹.

Характер взаимоотношений региональных администраций и представительных органов и степень автономии последних, как элемент структуры политических возможностей, может иметь существенное влияние на бассейн рекрутирования и карьеру законодателей, прежде всего, занимающих руководящие посты в легислатуре и, в первую очередь, спикеров. Как отмечал С. Хантингтон, показателем автономии той или иной политической организации является то, что важнейшие позиции в ее руководстве «обычно достижимы лишь для тех, кто прошел период ученичества на менее важных позициях» [73, с. 40].

В этом смысле, можно ожидать, что относительно высокая автономия легислатур от администраций в тех или иных регионах будет при прочих равных условиях способствовать рекрутированию их спикеров и других руководителей из числа опытных депутатов-профессионалов с относительно длительным стажем работы в этих законодательных органах на менее высоких постах (впрочем, она же может благоприятствовать и их притоку из частного бизнеса). Напротив, сильный контроль губернаторов над легислатурами в других

тельных) органов государственной власти субъектов Российской Федерации как инструмент обеспечения единого правового пространства Российской Федерации». М., 2012 // Государственная Дума [электронный ресурс]. Дата обращения 25.07.2023.

URL: <http://iam.duma.gov.ru/node/10/4964>

¹ Спикер петербургского парламента бросает вызов Кремлю // МК.RU Санкт-Петербург. 31.01.2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 25.07.2023. URL: <https://spb.mk.ru/politics/2019/01/31/spiker-peterburgskogo-parlamenta-brosaet-vyzov-kremlyu.html>

регионах при прочих равных условиях может способствовать рекрутированию их руководства из регионального чиновничества. Избрание на пост спикера выходца из региональной администрации, лично знакомого губернатору и пользующегося его доверием, можно в этом смысле рассматривать как форму проявления контроля главы региона над легислатурой. Впрочем, здесь ситуация далеко не однозначна. Если региональный парламент — традиционно слабый и подконтрольный институт, то у губернатора, напротив, может не возникать потребности в такой специальной мере обеспечения и упрочения контроля над ним, как продвижение своего непосредственного соратника из администрации на пост спикера. Кроме того, хотя подконтрольность легислатур и может повышать доступность ее «командных высот» для чиновников, их *rubber stamp* характер может уменьшать привлекательность депутатской карьеры для бюрократов, потому что переход в эти органы означает утрату реальной власти (в силу этого выходцы из административной элиты могут с большей готовностью переходить в относительно сильные парламенты). Помимо этого, тот факт, что депутатские позиции редко служат трамплином к высшим административным должностям регионального уровня, например, постам в правительствах субъектов РФ¹ [67, с. 160], также может снижать их привлекательность для амбициозных чиновников, стремящихся достичь вершины исполнительной власти. Тем не менее депутатская должность (которая в сравнении с административным постом требует обычно меньших затрат времени и усилий, довольно престижна, а в случае работы на постоянной основе и высокооплачиваема²) может

¹ В рассматриваемых 10 регионах только 2 % членов административной элиты были депутатами того или иного уровня непосредственно до вхождения в нынешнюю должность.

² Зарплата депутата Мосгордумы составляет около 200 тыс. рублей // ТАСС. 24.09.2019 [электронный ресурс]. Дата обращения 18.07.2023. URL: <https://www.tass.ru/moskva/6920859/amp>; Перова А. Okлад 60 тыс. рублей: сколько депутаты получают в Петербурге // Налоги и бухгалтерия. Онлайн-журнал [электронный ресурс]. Дата обращения 17.07.2023. URL: <https://online-buhuchet.ru/oklad-60-tys-rublej-skolko-deputaty-poluchayut-v-peterburge/>

служить синекурой или запасным аэродромом для чиновников, вынужденных по тем или иным причинам оставить свой пост. Избрание в парламент может быть для них не только формой почетной отставки или пенсии, но и возможностью передохнуть, осмотреться и дожидаться в удобном кресле нового назначения.

Надо сказать, что практика рекрутирования региональных чиновников в легислатуры довольно распространена [11, с. 100]. Например, в десяти рассматриваемых регионах примерно каждый восьмой-двенадцатый депутат был чиновником в 1995–2014 гг., а 11 % работали в административных структурах непосредственно перед избранием в нынешний созыв легислатуры. Также важно отметить, что в целом в рассматриваемых регионах рекрутирование из чиновничества вообще сильнее выражено среди высшей политической элиты (спикер, вице-спикеры, председатели комитетов), чем среди рядовых депутатов: 17 % ее представителей работали в административных структурах непосредственно перед избранием в нынешний созыв легислатуры [11, с. 100]. Относительно высок удельный вес выходцев из региональных администраций (обычно заместителей губернаторов (председателей правительств) среди спикеров [3; 116]. Так, примерно треть спикеров региональных парламентов, занимавших свой пост в 1993–2019 гг., имела предшествующий опыт работы в региональной администрации, причем каждый пятый пришел непосредственно оттуда [68, с. 44]. При этом в 19 регионах такой опыт имело большинство спикеров постсоветских легислатур (например, в Ингушетии 9 из 10) [68, с. 44]. Что касается десяти рассматриваемых регионов, то и в них такие случаи имеют место. В частности, бывшие председатели парламентов Калининградской области и Дагестана работали, соответственно, заместителем председателя и председателем правительства своих регионов. Среди десяти действующих спикеров четверо имеют опыт работы в региональных администрациях, причем двое (в Санкт-Петербурге и Ставропольском крае) — непосредственно перед избранием. Показателен случай Санкт-Петербурга, когда после поражения спикера В.С. Макарова в противостоянии с новым губернатором А.Д. Бегловым и его ухода в Государственную Думу новым спикером Законодательного собрания стал А.Н. Бельский, вице-губернатор по внутренней политике (такой карьерный переход

свидетельствует о том, что глава региона вернул себе контроль над легислатурой).

В целом, можно отметить, что в перспективе было бы целесообразно сопоставить рейтинги влияния региональных legislatures с распространенностью практики избрания их спикеров из регионального чиновничества. Только строгий статистический анализ может подтвердить или опровергнуть предположение о наличии связи между этими переменными.

РЕГИОНАЛЬНАЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНТЕКСТУАЛЬНОСТЬ

Концептуализация структуры политических возможностей Й. Борхерта, на которую в большой степени опирается наше исследование, достаточно формальна, и в этом заключаются ее достоинства и недостатки. Она привязана к существующим институтам, задающим рамки элитного восхождения индивидов. Структура институционально контекстуальна [84, р. 10]. Но для большего понимания процесса рекрутирования элит необходимо «контекстуализировать контекст». Конечно, есть опасность «утонуть» в многообразии социальных, политических, культурных и экономических факторов, оказывающих воздействие на функционирование структуры политических возможностей. Поэтому остановимся лишь на некоторых существенных факторах.

Влияние региональных особенностей политического процесса на траектории политических карьер

Карьерные траектории региональных депутатов в определенной мере «привязаны» к особенностям территорий. Социально-политическое, экономическое, культурное и т.д. разнообразие регионов страны означает сохранение особенностей практик формирования корпуса региональных депутатов, специфических черт проведения выборов, в том числе и прежде всего степень их конкурентности. Также сохраняются различия в законодательных нормах и правилах функционирования представительных органов власти, степени их автономности.

Яркий пример того, как институциональные изменения могут влиять на карьерные траектории региональных политиков, дает

недавняя история из Аргентины. До 1996 г. столицей Аргентины управлял назначаемый президентом страны интендант. Интендант не имел высокого статуса во властной иерархии государства. В 1996 г. город получил автономный статус, была принята Конституция автономного города Буэнос-Айрес. В соответствии с Конституцией Буэнос-Айресом управляет правительство, глава которого избирается населением города. Чтобы стать главой правительства города, необходимо набрать более 50 % голосов. В результате изменения институциональных рамок главе города было предоставлено больше полномочий, расширились функции и обязанности. Те, кто получали доступ к этой должности, становились центральными фигурами в политической жизни страны, поскольку они управляли самым богатым регионом, городом, который является экономическим, культурным и информационным центром страны. Образовался трамплин для президентства, появились новые избирательные стимулы политических акторов, перспективы новых карьерных траекторий (к примеру, показательные истории президентов Аргентины Фернандо де ла Руа и Маурисио Макри)¹ [107].

Региональные уровни российской власти в исторической ретроспективе развивались в условиях Российской империи, Советского Союза и вот уже более тридцати лет Российской Федерации. В рамках различных типов государственности, складывавшихся в отдельные периоды истории, происходили преобразования, направленные на большую или меньшую централизацию / децентрализацию структур государственной власти и управления. Преобразования имели целью обеспечение эффективного государственного управления, в том смысле, как это понималось центральной властью. Многие политические институты, практики осуществления власти и функционирования институтов власти и государственного управления по крайней мере отчасти наследовались и сохранялись, внешне преобразуясь и обретая иные названия. Они воспринимались политиками и дру-

¹ Constitución de la Ciudad de Buenos Aires. Dada en la sala de sesiones de la convencion constituyente de la ciudad de Buenos Aires, el primero del mes de octubre del ano mil novecientos noventa y seis // InfoLEG. Accessed 08.08.2024. URL: <https://www.infoleg.gob.ar/?pageid=166>

гими акторами как проявления российской специфики, «особого пути» страны и т.д.

Коль скоро в нашем случае речь идет о карьерах политиков, выскажем несколько соображений об определении и типологии карьер, а также подходах к исследованию политических карьер. Согласно наиболее общему определению, карьера — это продвижение субъекта по ступеням служебной лестницы, сопровождающееся использованием полученных ранее навыков, умений, квалификационных возможностей [52]. По ходу перемещений по карьерной лестнице может изменяться статус, социальная роль, размер и форма вознаграждения. В отечественной и зарубежной литературе можно встретить множество типологий карьер, их анализ и описание. Варианты типологий построены на различных основаниях и зависят от задач, которые поставил перед собой исследователь. В общем виде можно сказать, что в имеющихся типологиях учитывается скорость и направление движения по карьерной лестнице, обстоятельства, а еще шире контекст, определяющий траектории карьер [4; 63; 80; 122; 123; 120]. Наша собственная классификация карьерных траекторий в предшествующих исследованиях базировалась на критерии приверженности индивидов в своей карьере определенным сферам деятельности. Поэтому выделялись социальный и профессиональный типы карьер. Анализировались показатели, характеризующие предэлитный этап карьеры (возраст вступления, сфера деятельности, должностная позиция). Исследовались ступени элитной карьеры, длительность пребывания на отдельных ступенях карьеры и скорость продвижения. Интерес представляли так называемые зигзаги в карьере — перемещения по горизонтали с изменением региона и сферы деятельности [5; 6; 8; 9]. Также нашими коллегами выполнены работы по исследованию мобильности и эндогенности региональной элиты, судьбам политиков и депутатов после оставления должности [10; 11; 12; 30; 65, 69].

Исследовательские подходы к изучению политических карьер можно разделить на две большие группы в зависимости от того, что помещается в центр анализа — актор или контекст, в рамках которого формируются карьерные траектории. Все подходы имеют слабые и сильные стороны. М. Верчези сгруппировал подходы к исследованию

политических карьер, толково описал их достоинства, недостатки и эвристические возможности [124].

Возвращаясь к разговору о влиянии территориальных особенностей на карьерные различия и сам доступ в элитные группы, укажем, что среди определяющих факторов имеются такие, действие которых достаточно очевидно. Это не только место рождения и первичной социализации, социальное происхождение (семья и семейные ресурсы), но и место получения высшего образования. Так, у человека, родившегося и выросшего в небогатой семье (может быть, неблагополучной) в сельской местности, где в школе не хватало учителей, а в ближайшем городе и/или областном центре из вузов были только сельскохозяйственный или педагогический, возможности выбора карьеры невелики. Профессиональная социализация и деятельность после окончания вуза — время приобретения деловых связей, которые наряду с семейными связями могут послужить и нередко служат «вытягивающими» факторами карьерного продвижения. Это важно, поскольку в нашей стране велика роль неформальных связей, принадлежности к определенному клану и лояльности его патрону [2; 19; 44; 53; 15; 78]. Лояльность и взаимное доверие скрыты за формулами: «школьные друзья», «однокурсники», «коллеги по работе / бизнесу», «сослуживцы», «из хорошей семьи» и т.д.

По Конституции Российская Федерация представляет собой федеративное государство с республиканской формой правления и многоуровневой политической системой. Последняя в определенной степени унаследована от СССР, однако претерпела существенные изменения. Республиканского уровня больше нет. Вместо союзных республик в государственном устройстве РФ около девяти десятков субъектов. В качестве субъектов федеративных отношений выступают области, края, несколько национальных республик, три города — Москва, Санкт-Петербург и Севастополь. Появились федеральные округа, объединяющие несколько субъектов РФ. Задача округов — контроль федерального центра и повышение эффективности государственного управления на входящих в них территориях. Сохранился локальный уровень, институты которого также подверглись ряду преобразований.

В субъектах РФ, очень разнообразных по социально-экономическим, культурным, этнонациональным и религиозным характери-

кам, имеются различия в ходе политического процесса, паттернах политического поведения региональных политиков и населения, типах политической культуры. В границах отдельных субъектов РФ отличаются модели и практики взаимоотношений внутри корпуса региональной элиты, особенности взаимодействия исполнительных и законодательных институтов власти и уровень их автономности. Отмечаемое разнообразие является следствием по-разному воспринятых традиций и практик формирования «политического класса» советского периода развития страны. Более 30 лет существования РФ как государства отмечены несколькими моделями взаимодействия федерального центра и субъектов РФ. Флуктуации централизации / децентрализации имели в своей основе стремление федеральных элит не только повысить эффективность государственного управления, но и обеспечить единство, целостность страны, что является непростой задачей, учитывая размер территории и разнообразие расположенных на ней субъектов федерации.

Если оценивать прошедшие более 30 лет в целом, необходимо сказать, что преобладала тенденция к централизации. Как отмечают некоторые исследователи, усиление роли и влияния региональных лидеров носило кратковременный характер. Оно ненадолго возросло в 1990-е гг., но уже в начале 2000-х гг. федеральный центр вернул себе ведущую роль в отношениях с региональными лидерами [18; 121]. Региональная специфика, воплотившаяся в существовании различных типов региональных политических режимов, сохранилась [54; 117].

Непосредственное исследование связи / зависимости политических карьер и регионализации в контексте реформ и их последствий проводится уже более двух десятилетий в странах ЕЭС / ЕС. Были тщательно проанализированы реформы, направленные на децентрализацию и способствовавшие возникновению новых политических институтов и расширению полномочий региональных и местных правительств [102; 106; 87]. Реформы обусловили изменения в государственном управлении, партийных системах. Сформировались многоуровневые политические системы. Изменения также затронули участников политического процесса, прежде всего политические элиты. В публикациях, анализирующих политические карьеры в новых условиях, показывалось, что децентрализация и регионализация

бывших унитарных государств привели к укреплению регионального уровня власти и государственного управления в качестве самостоятельной арены политических карьер. Ученые стали говорить о появлении регионального политического класса и формировании карьерных интересов, которые отличались от интересов политиков национального уровня. В ходе исследований было подвергнуто сомнению установившееся представление о том, что посты на региональных аренах деятельности служат всего лишь карьерной ступенью на пути к национальному (федеральному) уровню власти. Оказалось, что число политиков с такой карьерной траекторией относительно невелико. В реальности сосуществуют модели карьерных траекторий, в которых национальные (федеральные) или региональные арены являются основными направлениями политической карьеры [122].

Исследователи также обратили внимание на влияние укрепившегося регионального уровня на отбор и циркуляцию элит. На материалах Испании, Франции и Великобритании было установлено, что пост премьер-министра регионального правительства стал одной из высших должностных позиций в политической иерархии. Ученые связали это явление с расширением территориальной автономии и ростом количества ресурсов, которыми располагают власти регионального и местного уровня. Было зафиксировано большее разнообразие карьерных траекторий. В рамках трех широких моделей (одноуровневая, двухуровневая и многоуровневая) выделено еще восемь вторичных моделей карьерных траекторий в соответствии с преобладанием определенных уровней политической системы [86].

В других работах также находим вывод о большем разнообразии моделей карьерных траекторий в многоуровневых политических системах, что отражает процессы регионализации и федерализации. Однако степень и характер влияния регионализма на траектории политических карьер остаются предметом споров, основная причина которых — разногласия по методическим вопросам [85; 90; 91].

Ранее говорилось об исследованиях траекторий политических карьер в старых странах ЕЭС / ЕС. Интерес к проблеме заметен и в тех странах, которые недавно присоединились к союзу. Приведем интересную работу, сделанную на материалах Чехии. В ней изучались карьерные траектории сенаторов (с 2000 по 2017 г.). Авторы описали

типичные перемещения между политическими уровнями и аренами, выделили восходящие и нисходящие траектории, сделали вывод о преобладании в стране восходящих карьер сенаторов [80].

Наши собственные исследования [7] показали, что рецентрализация, происходящая в Российской Федерации с начала 2000-х гг. и сопровождающаяся унификацией некоторых параметров политического процесса, сохраняет территориальную специфику многих характеристик, определяющих региональные особенности структуры политических возможностей. В связи с этим заметны региональные различия в составе корпуса политической элиты и карьерных траекториях политиков. Они прослеживаются по параметрам бассейна рекрутирования, количества ступеней в элитной карьере, скорости продвижения. Основная часть политиков перемещается по карьерной лестнице в рамках региона. Таким образом, преобладают региональные карьеры, при этом они могут включать в себя посты из нескольких арен деятельности политиков. На федеральный уровень, в свою очередь, перемещается лишь небольшая часть чиновников.

Гендерная структура и гендерный порядок

Уже во второй половине 1990-х гг. расширяется предметная сфера в изучении российской элиты и появляются исследования, в которых не только содержится описание или анализ той или иной субэлитной группы, но и вводится новое измерение элиты — гендерное. В гендерных исследованиях российской элиты объектом изучения чаще всего выступают женщины. Интерес для исследователей представляют такие сюжеты, как мотивация участия женщин в политике, общественной жизни, сфере управления, формы политического поведения женщин, женские избирательные движения и др. [37].

Индекс гендерного неравенства [27] в политической сфере России достаточно низок, однако исследователи отмечают диспропорции (например: [46; 75]). Недопредставленность женщин фиксируется уже на этапе выдвижения кандидатов и в избирательных списках [1, с. 80–81; 51, с. 171–172]. Впрочем, эта проблема интернациональна (см.: [113]), и в связи с ней часть исследователей говорит о гендерной сегрегации [25, с. 261]. Вместе с тем во многих странах представленность женщин во властных структурах в последние десятилетия

растет, также сокращается и общий показатель гендерного разрыва в политике [76, с. 159–163].

Процесс феминизации как административной, так и политической элиты остается относительно слабо изученной проблемой. По мнению С. Энсли, в имеющихся научных работах основное внимание уделяется анализу факторов, которые влияют на возможности женщин занять высшие руководящие позиции в органах исполнительной власти. Отмечается, что демографические, социально-экономические, культурные и политические факторы на разных уровнях управления влияют на доступ женщин к власти. Выявлено, что существует корреляция между представленностью женщин на министерских должностях, феминизацией властных органов в стране и типом демократии [79]. Пристальное внимание в работах по вопросу феминизации властных структур уделяется гендерным квотам и значимости численного присутствия женщин во властных структурах, в том числе и в парламентах [37].

По мнению П. Норрис и Д. Ловендуски, которые изучали американские законодательные органы власти, возможности для рекрутирования определяются институциональной и политической ситуацией, особенностями структуры выборных должностей и правилами, определяющими способ достижения этих должностей. Сторонники теории рационального выбора заключают, что баллотирование кандидатов на различные должности происходит только в том случае, если имеются соответствующие возможности. Далее авторы исследования обращают внимание на роль партий, количество выборных должностей на разных уровнях, уровень текучести кадров и уровень партийной конкуренции в каждом штате. Учитывая все перечисленные параметры, они приходят к выводу, что возможности для рекрутирования в законодательную власть различаются от штата к штату, от одного города к другому [112, с. 21].

В разных странах процесс феминизации элитных структур происходил в различных институциональных условиях и в различное время. Среди развитых стран достаточно поздно включение женщин в политические властные структуры происходило во Франции. Как показала Н.Ю. Лапина, важным фактором в этом процессе стало не столько появление у женщин избирательных прав (в 1944 г.), сколько принятие в 1999 г. поправки в конституцию страны о «равном доступе женщин

и мужчин к выборным постам и государственным должностям» и последующие изменения в избирательном праве [45, с. 99–100]. К этому следует добавить и давление международного контекста (влияние членства в Евросоюзе). Изменилась структура политических возможностей. Соответственно, выросла и пропорция женщин во власти.

Французский случай показывает значимость трансформации институционального дизайна, несмотря на большое влияние факторов, консервирующих гендерную асимметрию. К последним исследователи относят исторические традиции, особенности политической культуры, специфику политических институтов, сохранение стереотипов массового и индивидуального сознания [45, с. 101]. Данный перечень актуален и для России и включает в себя также «особенности политической культуры (ценности, установки, нормы и гендерные стереотипы); социоэкономические факторы (образование, профессиональная деятельность, доходы, гражданское состояние); институциональные факторы (правительственная и партийная практики назначений, избирательная система, образцы карьеры, система квот, гендерная сегрегация и дискриминация)» [24, с. 11]. Такой набор факторов служит достаточно сильным барьером для участия женщин в политике. Р. Бернард в соавторстве с коллегами, анализируя политические амбиции женщин-кандидатов на высокие властные позиции, заключают, что политические амбиции женщин-кандидатов варьируются в зависимости от состава домохозяйств и таких структурных барьеров, как уровень дохода и источники дохода [81]. Именно политическая экономия семьи удерживает самых амбициозных женщин-кандидатов от выдвижения на высокие посты [81].

Несколько иной список препятствий к построению женской политической карьеры предлагают Н.Ю. Лапина и А.Е. Чирикова. На основании интервью авторы говорят о высоком уровне конкуренции; слабом представительстве женщин в региональной бизнес-элите; несформированности каналов продвижения женщин в законодательную власть; социокультурных стереотипах электорального поведения избирателей и слабой активности самих женщин [46, с. 62]. Можно сказать, что приведенный список не столько противоречит предыдущим наблюдениям, сколько существенно дополняет их. Например, исследование, проведенное еще в социалистической Югославии,

показало, что гендерные диспропорции могут сохраняться и при сильном идеологическом и институциональном давлении [89]. Опыт Аргентины, где в 1991 г. впервые в мире были введены гендерные квоты на национальном уровне, демонстрирует, что улучшение доступа женщин к выборным должностям не решает проблемы существующего гендерного неравенства в доступе к элитным сетям [95].

Макроданные по семидесяти странам мира показывают вариации и корреляции, которые существуют между ростом гендерного равенства и богатством / бедностью общества и разницей поколений. Особое внимание в работе уделено гендерному измерению политического участия: традиционный активизм через выборы и политические партии, гражданский активизм через общественные организации, движения и протестный активизм (петиции, бойкоты, демонстрации). Что касается гендерного равенства в элите, то авторы заключают, что в мире сохраняется мужское доминирование в традиционных политических элитах, таких как партии и парламенты [103, р. 28].

Отдельный пул эмпирических исследований по рекрутированию женщин во власть — это исследования стран, имеющих сходные черты с российскими реалиями. Так, исследование М. Эскобар-Леммон и М. Тейлор-Робинсон, посвященное Латинской Америке, показало, что степень вовлеченности женщин в процесс принятия решений и получение ими министерских портфелей на национальном уровне связаны со степенью демократизации страны и типом управления (парламентская / президентская республика) [92]. При этом авторы не выявили положительную корреляцию между количеством женщин в правительстве или в парламенте страны и политической идеологией президента, находящегося у власти (левый / правый край идейно-политического спектра и др.).

О функционировании властных институтов в РФ С.Г. Айвазова еще восемнадцать лет назад писала: «[Ф]ормальные институты равноправия никак не согласуются с преобладающими (неформальными) правилами поведения представителей всех трех ветвей государственной власти (исполнительной, законодательной, судебной)» [1, с. 79]. С тех пор ситуация принципиально не изменилась. Открытие институциональных возможностей не гарантирует успех. Радикальный взгляд на причины гендерной диспропорции во властных структурах

связывает ситуацию с «мужской шовинистической структурой власти» (male-chauvinist structure of power) [125, p. 387]. Однако следует сказать, что это очевидное упрощение и лишь один из аспектов проблемы.

Социально-демографическая структура региона

Отдельного внимания заслуживает вопрос о взаимосвязи между социально-демографической структурой изучаемых регионов и политическими возможностями социальных групп. Авторы эмпирических исследований показывают, что политическое неравенство среди различных социальных групп в российском обществе только увеличивается и связано оно не только с возрастом и образованием, но и с полом. Это находит отражение в сохраняющихся формах гендерного неравенства в регионах России.

Следует сказать и о структурной особенности нашей страны. Как отмечается исследователями, «гендерная структура *российской социально-территориальной системы* дихотомична по отношению к глобальному миру и, в отличие от него, устойчиво сохраняет гендерную асимметричность в пользу женщин» [63, с. 117]. Анализ данных показывает, что в структуре населения всех изучаемых нами регионов женщины численно преобладают над мужчинами (см. табл. 4). Подобная ситуация складывается и в других регионах, что подтверждают открытые статистические данные. Однако если рассматривать данные по численности мужчин и женщин в разрезе *трудоспособного возраста* (для мужчин 16–61 лет, а для женщин — 16–56 лет), то количество женщин в данной возрастной группе несколько снижается. По данным Росстата на 1 января 2024 г., к примеру, в Дагестане женщин трудоспособного возраста проживало 945 443 чел. (мужчин — 1 008 402 чел.), в Ленинградской области — 576 140 чел. (мужчин — 645 748 чел.), в Хабаровском крае — 365 014 чел. (мужчин — 399 614 чел.), в Калининградской области — 285 540 чел. (мужчин — 317 645 чел.).

Статистические данные показывают, что женщины доминируют в социальной структуре населения Республики Дагестан, Ставропольского края и Новосибирской области. При этом заметна закономерность: именно в законодательных органах этих регионов женщины-депутаты представлены меньше всего. Наиболее феминизированными являются парламенты Москвы, Хабаровского края, Ростовской

Таблица 4 (Table 4)

Гендерные характеристики региональных парламентов*Gender characteristics of regional parliaments*

№	Наименование региона	Количество женщин на тысячу мужчин	Количество депутатов, чел.	Количество женщин в парламенте (на 2024 г.), чел.
1	Республика Дагестан	1 664 620	90	5
2	Ставропольский край	1 500 000	50	4
3	Хабаровский край	1 113 000	36	12
4	Калининградская область	1 130 000	40	7
5	Костромская область	1 175 000	35	1
6	Новосибирская область	1 515 600	76	1
7	Ленинградская область	1 199 000	50	9
8	Ростовская область	1 145 000	60	9
9	Москва	1 153 000	45	19
10	Санкт-Петербург	1 208 000	50	10

и Ленинградской областей, и именно в этих регионах, напротив, наблюдается незначительное преобладание количества мужчин над женщинами в трудоспособном возрасте.

Диахронный анализ данных за последние пятнадцать лет показывает, что на фоне административной элиты изучаемых регионов в целом в среде политической элиты выявлена большая количественная динамика, но при этом не наблюдается качественного обновления парламентов (на открытых основаниях). В большинстве региональных случаев позиции депутатов занимают женщины, которые и до этого имели значимый социальный капитал и высокий социальный статус.

Приграничный статус региона**в структуре политических возможностей**

Наше эмпирическое исследование административной и политической элит десяти регионов показало, что существуют устойчивые дифференциации относительно гендерных особенностей в диахронической перспективе. В частности, после 2015 г. происходит некоторое

увеличение числа женщин в министерской элите. При этом в ходе исследования выявлены региональные различия, которые (при введенных дополнительных характеристиках регионов в части приграничного статуса и уровня экономического развития) свидетельствуют о том, что регионы с феминизированными правительствами / парламентами не только имеют приграничный статус, но и часто занимают устойчивые позиции по экономическим показателям и качеству жизни.

В группу с относительно феминизированными парламентами, к примеру, вошли парламенты Калининградской и Ленинградской областей и Хабаровского края, где доля женщин в депутатской общности достаточно высока и варьируется от 18 до 30 %. Более того, эти регионы характеризуются инновационной привлекательностью и относительной мобильностью населения. Так, исследование И.В. Задорина, посвященное приграничным регионам, показало, что Калининградская область отличается высокой долей приезжих из других регионов, имеет особый экономический статус (до 2016 г.), зависима геополитически и экономически от центра [34, с. 114]. Кроме того, в этом регионе наблюдается высокая трансграничная мобильность (после февраля 2022 г. она, естественно, значительно снизилась) и для жителей характерна открытость к культурному обмену. В рейтинге качества жизни среди российских регионов Калининградская область в 2020 г. занимала 10 место, Ленинградская область — 7 место. Среди дальневосточных регионов Хабаровский край также имеет прочные позиции по качеству жизни и занимает второе место в рейтинге Дальневосточного федерального округа и 30 место в общероссийском рейтинге.

Что касается географического положения новых регионов Российской Федерации, то, к примеру, Республика Крым так же, как и Калининградская область, имеет особый статус прибрежного эксклава. Как было отмечено выше, парламенты приграничных регионов демонстрируют примеры относительного гендерного равновесия. Проведенное исследование по практикам взаимодействия между властью и бизнесом выявило, что крымский парламент также относится к гендерно сбалансированным институциям (как и калининградский парламент) [38]. Анализ форм взаимодействия экономической и политической элиты

в Республике Крым показал, что внутри депутатского корпуса двух созывов (2014 и 2019 гг.) представители экономической элиты занимали более половины мест, что неизбежно усиливает элитную интеграцию внутри региона. Если говорить о представленности женщин в парламенте, то, по эмпирическим данным, женщины составляли 1/5 часть парламента первого созыва (15 мандатов из 75). После выборов в парламент второго созыва (2019 г.) произошло снижение доли женщин среди региональных парламентариев: лишь восемь женщин-депутатов сохранили свои позиции, пять из них представляют экономическую элиту региона.

Проведенный анализ карьерных траекторий женщин показывает, что вне зависимости от степени представленности женщин в региональных парламентах их профессиональные биографии оказываются типичными для женщин-депутатов не только приграничных, но и иных регионов. Чаще всего преобладает горизонтальный тип карьеры, когда происходит перемещение женщин с одной высокой властной позиции на другую, в том числе и с позиции руководителя государственной или частной компании. Группа регионов с менее феминизированными правительствами / парламентами по уровню экономического развития и качеству жизни оказалась не столь однородной. В этой группе представлены как регионы-лидеры, так и регионы-аутсайдеры.

Властные институты и гендер

Структурирующее влияние на планирование профессиональной карьеры оказывают контекстные факторы, к числу которых относятся властные институты, функционирующие и иерархически упорядоченные по отношению друг к другу. Часто именно они задают логику и скорость карьерных перемещений представителей властных или околотовластных сообществ и порождают типичные карьерные модели. Анализ эмпирических данных по административной элите десяти регионов показывает, что чаще всего «предэлитная» позиция как у женщин, так и у мужчин связана с низшей или средней позицией в районной администрации (63 % мужчин и 84 % женщин) и реже с бизнесом. После 2007 г. происходит постепенное снижение доли представителей бизнеса в административной элите как среди мужчин, так и среди женщин (к 2021 г. 18 % мужчин занимали эту позицию

до высокого правительственного поста и только 7 % женщин). Заметно, что женщины реже имеют опыт работы в экономических структурах, тогда как каждый пятый мужчина-министр является не просто выходцем из этих структур, но еще и занимал в этих структурах высшие позиции. Что касается политической элиты рассматриваемой группы регионов, то нарастает число тех женщин, которые до обретения депутатского мандата работали в аппарате регионального парламента, были помощниками депутатов либо членами избиркома. В этой связи женская карьера в политических структурах (парламенте) определяется как пример горизонтального перемещения из одной (часто властной) институции в другую. Примером этому может служить случай, когда глава администрации получает депутатский мандат.

Данная тенденция отражает общие изменения в карьерных траекториях политической элиты за последние пятнадцать лет, когда в парламентах регионов почти в два раза увеличилась доля выходцев из административных органов власти (2005 г. — 7 %, к 2021 г. — 13 %). В этой связи увеличение числа женщин в отдельных региональных парламентах за последние пятнадцать лет следует рассматривать в логике усиления контроля региональных парламентов со стороны административной элиты и расширения бассейна рекрутирования за счет «ближнего круга», когда отбор происходит не по гендерному принципу, а благодаря личным связям.

О влиянии «губернаторского фактора» на процесс рекрутирования женщин во властные институции пишет О.В. Попова. На основе проведенного экспертного опроса политолог заключает, «что попадание женщин на эти позиции не связано с их собственными устремлениями, получение этих должностей всегда определяется волевым политическим решением первого лица в регионе» [57, с. 26]¹. На высшие позиции назначаются чаще всего действительно женщины-профессионалы, но те, которые работали ранее в команде губернатора [57 с. 26].

¹ Следует отметить, что гипотеза о меньшей амбициозности женщин была опровергнута на примере Великобритании [33, с. 250]. Аналогично обстоит дело и в США [88, р. 1242]. Также то, что можно обозначить как ощущение власти и самоощущение во власти, не разнится у мужчин и женщин [126, р. 516].

Не меньшее влияние на процесс рекрутирования и карьерное продвижение женщин оказывает «губернаторский фактор», а именно отсутствие гендерных шовинистических взглядов у губернатора [57, с. 22]. Таким образом, «губернаторский фактор», по мнению опрошенных экспертов, влияет на карьерное продвижение женщин во властные позиции.

Что же касается гендерного профиля министерской элиты, то приток новых министров на фоне самозакрытия региональной элиты крайне ограничен, и женщины имеют еще меньше возможностей занять высшую позицию в правительстве. Важно отметить, что к 2021 г. 37 % мужчин из правительственной элиты и до этого занимали другие элитные позиции и чаще всего работали в структурах исполнительной власти, тогда как среди женщин подобный тип карьеры встречается реже. Анализ полученных данных показывает, что заметных и радикальных изменений в сегменте административной элиты по гендерному принципу в десяти российских регионах после 2015 г. не наблюдается. В целом, налицо устойчивое воспроизводство элиты на закрытых основаниях и чаще всего по принципу горизонтального перемещения. На высших административных позициях **наблюдается «мужское доминирование»**, когда мужчины занимают большинство высших позиций в региональных правительствах. Так, эмпирические данные показывают, что на протяжении длительного периода (2005–2021 гг.) в среде административной элиты большинства регионов происходило **постепенное нарастание гендерного дисбаланса** в сторону увеличения мужчин. Если в 2000-е гг. начинается постепенное увеличение числа женщин на высших позициях в административных органах власти исследуемых регионов и пик этого эффекта приходится на 2012 г. (в среднем женщины занимают 22 % высших позиций), то позже происходит резкий спад представленности женщин (с 22 % до 13 %). Начинается период десятилетней стабилизации (элитной стагнации) гендерного дисбаланса и к 2021 г. увеличение количества женщин в административном сегменте элиты не фиксируется.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Нормальный / регулярный путь наверх носит институционализированный характер. Индивид, ищущий элитную позицию в полити-

ческих структурах, движется в институтах и посредством институтов. В этом отношении структура политических возможностей адекватно отражает релевантную институциональную среду. Именно в такой политической системе и при таком политическом режиме существует данная структура возможностей.

Структура политических возможностей в варианте вертикальной мобильности, в отличие от понятия, используемого при исследовании общественных движений и протестных акций, характеризует карьерный потенциал системы для индивидов. Но при этом их социальные характеристики не являются факультативными. Они приобретают значимый институциональный смысл и выступают фактором вертикальной мобильности. В этом смысле значение концепции структуры политических возможностей состоит в том, что она позволяет объяснить, как те или иные особенности политических институтов влияют на бассейн рекрутирования властных элит, облегчая доступ к элитным позициям выходцам из одних социально-профессиональных категорий и, напротив, затрудняя продвижение к ним представителям других групп.

В частности, такая характеристика структуры политических возможностей, как размер легислатур, потенциально влияет на персональный и групповой доступ во власть. Шансы войти в элитное сообщество, естественно, выше в большой легислатуре. Существенно, что ресурсная конкуренция при небольших законодательных собраниях уменьшает шансы внесистемных лиц. Очевидные преимущества имеют выходцы из привилегированных групп, чиновники и бизнесмены.

«Любительство» в депутатском корпусе (политики «по совместительству» в терминах М. Вебера) также приводит к конкуренции ресурсов (прежде всего финансово-экономических), что ведет к увеличению группы бизнесменов в легислатурах. То же отчасти относится и к плюральной избирательной системе. Плутократизация политической элиты является следствием не только институционального дизайна, но и направленного действия находящихся у власти групп. Актуальность чартистских требований 1838 г. удивительным образом демонстрирует социальные основания классовой власти и неслучайности существующей структуры политических возможностей.

Региональные особенности являются важным контекстом, в рамках которого те или иные возможности могут актуализироваться как благоприятные шансы для соискателей элитных позиций.

Вместе с тем существенны определенные ограничения, носящие институциональный, социальный и культурный характер. Это хорошо показывает анализ факторов гендерного дисбаланса в политико-административных элитах. Как отмечает Р. Коннелл, «государственные элиты, за очень небольшим исключением, представляют собой настоящий «мужской заповедник»» [39, с. 172]. И здесь важно отметить, что расширение политических возможностей женщин для продвижения на элитные позиции за счет позитивного законодательного регулирования не приводит к автоматическому повышению доли женщин в структурах власти. Социально-структурный и культурный контекст имеет значение. Поэтому не стоит переоценивать роль структуры политических возможностей в процессе рекрутирования властных групп, а, следовательно, и объяснительный потенциал соответствующих концепций.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Быстрова Алла Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** abc_46@mail.ru.

Дмитриева Валерия Денисовна — младший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН. **Телефон:** +7 (812) 316–34–36.

Электронная почта: ms.valeria.spb@mail.ru.

Дука Александр Владимирович — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** alexander-duka@yandex.ru.

Колесник Наталья Владимировна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник доцент. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** nvkolesnik@inbox.ru.

Тев Денис Борисович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник. Социологический институт РАН — филиал Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН.

Телефон: +7 (812) 316–34–36. **Электронная почта:** denis_tev@mail.ru.

Research Article

ALLA S. BYSTROVA¹,
VALERIYA D. DMITRIEVA¹,
ALEKSANDR V. DUKA¹,
NATALYA V. KOLESNIK^{1, 2},
DENIS B. TEV¹

¹ The Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center
of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences
25/14, 7-th Krasnoarmeyskaya str., St Petersburg, 190005, Russia

² HSE University-St Petersburg
6, 25th Line of Vasilyevsky Island, St Petersburg, 199106

THE POLITICAL OPPORTUNITY STRUCTURE AND SOURCES OF RECRUITMENT OF THE REGIONAL POLITICAL ELITE IN RUSSIA

Abstract. The article analyzes the concept of political opportunity structure and assesses its explanatory potential in studies of political elite recruitment. It examines such components of the political opportunity structure as the size of legislatures, the evolution of regional electoral systems, the professionalization of legislative positions, the nature of the relationship between the federal center and regional authorities, as well as between the executive and representative authorities of the region. The object of the study is the political elites of ten Russian regions. Based on the analysis of the biographical database collected for the period 2005–2021, the authors examine the influence of the above factors on the recruitment pool of deputies of legislative bodies of the Federal subjects of Russia. In particular, it is shown that the relatively small number of regional legislatures contributes to the social closeness of the deputy corps, with members from privileged socio-professional groups dominating. The non-professional (amateur) nature of most deputy positions, as well as the plurality electoral system, favors the plutocratization of the political elite. In turn, governors' control over representative power can be manifested in the recruitment of speakers and other leaders of legislatures from regional officials. The study takes into account the regional, cultural, and socio-structural contexts of recruitment to positions of power. Particular attention is paid to the specifics of career trajectories and the issue of gender imbalance in power structures. The analysis of empirical material allows not only to illustrate the theoretical provisions put forward, but also to test the practical applicability of the concept of political opportunity structure.

Keywords: political elites, recruitment of elites, gender, political opportunity structure, regional electoral systems, career, gender imbalance.

For citation: Bystrova A.S., Dmitrieva V.D., Duka A.V., Kolesnik N.V., Tev D.B. The political opportunity structure and sources of recruitment of the regional political elite in Russia. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2025. Vol. 12. No. 2. P. 38–109.
 DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2025.12.2.2>. (In Russ.).

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alla S. Bystrova — Candidate of Economics, senior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** abc_46@mail.ru.

Valeriia D. Dmitrieva — Junior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** ms.valeria.spb@mail.ru.

Aleksandr V. Duka — Candidate of Political Science, leading researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** alexander-duka@yandex.ru.

Natalya V. Kolesnik — Candidate of Sociology, senior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; senior lecturer, HSE University.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** nvkolesnik@inbox.ru.

Denis B. Tev — Candidate of Sociology, senior researcher, the Sociological Institute of the RAS — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Phone: +7 (812) 316–34–36. **E-mail:** denis_tev@mail.ru.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Айвазова С.Г. Гендерный порядок в России: возможности и пределы модернизации // Новые направления политической науки / Отв. ред. С.Г. Айвазова, С.В. Патрушев и др. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 69–83. EDN: TIVKKV
 Aivazova S.G. Gendernyi poryadok v Rossii: vozmozhnosti i predely modernizatsii [Gender order in Russia: possibilities and limits of modernization]. *Novyye napravleniya politicheskoy nauki*: [New directions in political science]. Ed. by S.G. Aivazova, S.V. Patrushev et al. Moscow: Russian Association of

- Political Science (RAPS); Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. P. 69–83. (In Russ.)
2. *Афанасьев М.Н.* Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственности, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. Изд. 2-е, доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. 317 с. Afanas'yev M.N. *Kliyentelizm i rossiyskaya gosudarstvennost': issledovaniye kliyentskikh otnosheniy, ikh roli v evolyutsii i upadke predydushchikh form rossiyskoy gosudarstvennosti, ikh deyatel'nosti v politicheskikh institutakh i deyatel'nosti vlastnykh grupp v sovremennoy Rossii* [Clientelism and Russian statehood: A study of client relations, their role in the evolution and decline of past forms of Russian statehood, their influence on political institutions and the activities of ruling groups in modern Russia]. 2nd ed., suppl. Moscow: Moscow Public Scientific Foundation, 2000. 317 p. (In Russ.)
 3. *Богатырева Л.В.* Механизмы рекрутирования глав региональных законодательных собраний (на примере регионов ЦФО) // Политическая наука. 2012. № 1. С. 175–189. EDN: OUHAFX
Bogat'yeva L.V. Mekhanizmy rekrutirovaniya glav regional'nykh zakonodatel'nykh sobranii (na primere regionov TsFO) [Mechanisms for recruiting heads of regional legislative assemblies (using the Central Federal District regions as an example)]. *Political science (RU)*. 2012. No. 1. P. 175–189. (In Russ.)
 4. *Буренкова Э.Э.* Трансформации общества и внутренние характеристики элитных групп (об изучении элитных групп) // Мир России. 1995. Т. 4. № 3-4. С. 3–24. EDN: ZAVMFY
Burenkova E.E. Transformatsii obshchestva i vnutrennie kharakteristiki elitnykh grupp (ob izuchenii elitnykh grupp) [Transformations of society and internal characteristics of elite groups (about studying elite groups)]. *Mir Rossii*. 1995. Vol. 4. No. 3-4. P. 3–24. (In Russ.)
 5. *Быстрова А.С.* Влияние социального контекста на построение карьерных траекторий: карьеры представителей различных политических поколений региональных административных элит Российской Федерации // Власть и элиты. 2017. Т. 4. № 4. С. 170–203.
<https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.6>. EDN: UYHVXO
Bystrova A.S. Vliyanie sotsial'nogo konteksta na postroenie kar'ernykh traektorii: kar'ery predstavitelei razlichnykh politicheskikh pokolenii regional'nykh administrativnykh elit Rossiiskoi Federatsii [The influence of social context on the construction of career trajectories: careers of representatives of various

- political generations of regional administrative elites of the Russian Federation]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2017. Vol. 4. No. 4. P. 170–203. <https://doi.org/10.31119/pe.2017.4.6> (In Russ.)
6. Быстрова А.С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8. № 1. С. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1>. EDN: LCEFU
 Bystrova A.S. Regional'nye administrativnye elity Rossii: kar'ery i kar'ernye traektorii [Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 5–27. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.1> (In Russ.)
 7. Быстрова А.С. Региональные различия в карьерных траекториях представителей региональной политической элиты Российской Федерации // *Власть и элиты*. 2023. Т. 10. № 1. С. 98–138. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4>. EDN: VTBGEP
 Bystrova A.S. Regional'nye razlichiya v kar'ernykh traektoriyakh predstavitelei regional'noi politicheskoi elity Rossiiskoi Federatsii [Regional differences in the career trajectories of representatives of the regional political elite of the Russian Federation]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2023. Vol. 10. No. 1. P. 98–138. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.1.4> (In Russ.)
 8. Быстрова А.С. Региональные чиновники и политики РФ: сравнительный анализ карьер // *Власть и элиты*. 2022. Т. 9. № 2. С. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5>. EDN: YLPHEC
 Bystrova A.S. Regional'nye chinovniki i politiki RF: sravnitel'nyi analiz kar'er [Regional officials and politicians of the Russian Federation: comparative analysis of careers]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 122–145. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.5> (In Russ.)
 9. Быстрова А.С. Типы карьер представителей региональной административно-политической элиты и факторы, влияющие на карьерные различия // *Властные структуры и группы доминирования* / Ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 76–93. EDN: UMSTHX
 Bystrova A.S. Tipy kar'er predstavitelei regional'noi administrativno-politicheskoi elity i faktory, vliyayushchie na kar'ernye razlichiya [Types of careers of representatives of the regional administrative and political elite and factors influencing career differences]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya*. [Power structures and dominance groups]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012. P. 76–93. (In Russ.)
 10. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6. № 2. С. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2>. EDN: GXPYDO

- Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Institutionalizatsiya politicheskoi elity: istochniki rekrutirovaniya i kar'era [Institutionalization of the political elite: sources of recruitment and career]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2019. Vol. 6. No. 2. P. 24–66. <https://doi.org/10.31119/pe.2019.6.2.2> (In Russ.)
11. Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Региональная политическая элита: бассейн рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2020. Т. 7. № 1. С. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4>. EDN: HHPAWU
Bystrova A.S., Daugavet A.B., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevsky A.V., Tev D.B. Regional'naya politicheskaya elita: bassein rekrutirovaniya i kar'era [Regional political elite: recruitment pool and career]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2020. Vol. 7. No. 1. P. 76–122. <https://doi.org/10.31119/pe.2020.7.1.4> (In Russ.)
12. Быстрова А.С., Дука А.В., Колесник Н.В., Невский А.В., Тев Д.Б. Российские региональные элиты: инновационный потенциал в контексте глобализации // *Глобализация в российском обществе: сб. науч. трудов / Отв. ред. И.И. Елисеева*. СПб.: Нестор-История, 2008. С. 99–242. EDN: YMHGUO
Bystrova A.S., Duka A.V., Kolesnik N.V., Nevskii A.V., Tev D.B. Rossiiskie regional'nye elity: innovatsionnyi potentsial v kontekste globalizatsii [Russian regional elites: innovative potential in the context of globalization]. *Globalizatsiya v rossiiskom obshchestve: sb. nauch. trudov* [Globalization in Russian society: collection. scientific works]. Ed. by I.I. Eliseeva. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2008. P. 99–242. (In Russ.)
13. Валадес Д. Контроль над властью / Пер. с исп. А. Автономова, В. Гайдамак. М.: Идея-Пресс, 2006. 248 с.
Valades D. El control del poder [Russ. ed.: Valades D. *Kontrol' nad vlastyu*. Moscow: Ideya-Press, 2006. 248 p.]
14. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения / Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. С. 644–706.
Weber M. Politics as a Vocation. Transl. from German. Weber M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow: Progress, 1990. P. 644–706. (In Russ.)
15. Ведяшкин С.В., Глухов Е.А. Патрон-клиентские отношения в системе органов публичной власти России // *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2023. № 47. С. 35–57. <https://doi.org/10.17223/22253513/47/3>. EDN: DQWDPT
Vedyashkin S.V., Glukhov E.A. Patron-klientskie otnosheniya v sisteme organov publichnoi vlasti Rossii [Patron-client relations in the system of public authorities of Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo — Tomsk State University Journal of Law*. 2023. No. 47. P. 35–57. <https://doi.org/10.17223/22253513/47/3> (In Russ.)

16. Волков Ю.Г. Новые социальные лифты в региональном пространстве // Россия реформирующаяся. Вып. 18. М.: Новый Хронограф, 2020. С. 131–159. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.6>. EDN: PVRRCJ
 Volkov Yu.G. Novye sotsial'nye lifty v regional'nom prostranstve [New social elevators in the regional space]. *Rossiya reformiruyushchayasya*. Вып. 18 [Russia reforming. Issue 18]. Moscow: Novy Khronograf, 2020. P. 131–159. <https://doi.org/10.19181/ezheg.2020.6>. (In Russ.)
17. Гаман-Голутвина О.В. Политико-финансовые кланы и политические партии как селекторат в процессах парламентского представительства современной России // Власть и элиты в современной России: Сб. научных статей / Под ред. А.В. Дуки. СПб.: Социологическое об-во им. М.М. Ковалевского, 2003. С. 118–132. EDN: JFNALL
 Gaman-Golutvina O.V. Politiko-finansovye klany i politicheskie partii kak selektorat v protsessakh parlamentskogo predstavitel'stva sovremennoi Rossii [Political and financial clans in the processes of parliamentary representation of contemporary Russia]. *Vlast' i elity v sovremennoy Rossii* [Power and elites in modern Russia]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg.: Sotsiologicheskoye obshchestvo im. M.M. Kovalevskogo, 2003. P. 118–132. (In Russ.)
18. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты стран БРИК: опыт сравнительного анализа // Власть и элиты. 2014. Т. 1. № 1. С. 56–69. EDN: XIEMRF
 Gaman-Golutvina O.V. Politicheskie elity stran BRIK: opyt sravnitel'nogo analiza [Political elites of the BRIC countries: An experience of comparative analysis]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2014. Vol. 1. No. 1. P. 56–69. (In Russ.)
19. Гаман-Голутвина О.В. Региональные элиты России: персональный состав и тенденции эволюции (1) // Полис. Политические исследования. 2004. № 2. С. 6–19. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02>. EDN: HSODIJ
 Gaman-Golutvina O.V. Regional'nye elity Rossii: personal'nyi sostav i tendentsii evolyutsii (1) [Regional elites of Russia: Personal composition and evolutionary trends (1)]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2004. No. 2. P. 6–19. <https://doi.org/10.17976/jpps/2004.02.02> (In Russ.)
20. Гаммедж Р.Д. История чартизма / Пер. с англ. А.В. Погожевой. СПб.: Дело, 1907. VIII+506 с.
 Gammage R.G. History of the chartist movement, 1837–1854 [Russ. ed.: Gammedzh R.D. *Istoriya chartizma*]. Transl. by A.V. Pogozheva. St. Petersburg.: Delo, 1907. VIII+506 p.]
21. Гейтс Р.М. Долг: мемуары министра войны / Пер. с англ. В. Желникова. М.: АСТ, 2014. 798 с.
 Gates R.M. Duty: Memoirs of a secretary at war [Russ. ed.: *Dolg: memuary ministra voyny*. Moscow: AST, 2014. 798 p.]

22. Гельман В.Я. Расцвет и упадок электорального авторитаризма в России // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2012. № 4 (67). С. 65–88. EDN: SYPACZ
Gelman V.Ya. Rastsvet i upadok elektoral'nogo avtoritarizma v Rossii [The rise and decline of electoral authoritarianism in Russia]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*. 2012. No. 4 (67). P. 65–88. (In Russ.)
23. Гельман В.Я. Региональная власть в современной России: Институты, режимы и практики // Полис. Политические исследования. 1998. № 1. С. 87–105. EDN: ESCPAN
Gelman V.Ya. Regiona'naya vlast' v sovremennoi Rossii: Instituty, rezhimy i praktiki [Regional power in modern Russia: institutions, regimes and practices]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 1998. No. 1. P. 87–105. (In Russ.)
24. Гнедаш А.А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение: Автореферат дисс. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2006. 25 с. EDN: ZNQKPF
Gnedash A.A. *Politiko-administrativnyye elity postsovetskoj Rossii: gendernoye izmereniye: Avtoref. dis. ... kand. polit. n.: 23.00.02.* [Political and administrative elites of post-Soviet Russia: gender dimension: Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Political Sciences: 23.00.05.] Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2006. 25 p. (In Russ.)
25. Гнедаш А.А. Политико-административные элиты постсоветской России: гендерное измерение: (по материалам экспертного опроса в Краснодарском крае) // Новые направления политической науки: Гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономика. Социальная политика / Отв. ред. С.Г. Айвазова, С.В. Патрушев и др. М.: Российская ассоциация политической науки (РАПН); Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 258–274.
Gnedash A.A. *Politiko-administrativnyye elity postsovetskoj Rossii: gendernoye izmerenie: (po materialam ekspertnogo oprosa v Krasnodarskom krae)* [Political and administrative elites of post-Soviet Russia: gender dimension: (based on materials of an expert survey in Krasnodar Krai)]. *Novyye napravleniya politicheskoy nauki: Gendernaya politologiya. Institutsional'naya politologiya. Politicheskaya ekonomiya. Sotsial'naya politika* [New directions in political science: Gender political science. Institutional political science. Political economy. Social policy]. Ed. by S.G. Aivazova, S.V. Patrushev et al. Moscow: Russian Association of Political Science (RAPS); Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2007. P. 258–274. (In Russ.)

26. Голосов Г.В. Измерения российских региональных избирательных систем // Полис. Политические исследования. 2001. № 4. С. 71. EDN: ESCUCV
 Golosov G.V. Izmereniya rossiiskikh regional'nykh izbiratel'nykh sistem [Dimensions of Russian regional electoral systems]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2001. No. 4. P. 71. (In Russ.)
27. Гостенина В.И., Кейзик А.С. Индекс гендерного неравенства: методика расчета и реализация // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 16. № 1. С. 28–35. <https://doi.org/10.12737/18228>. EDN: VNYAID
 Gostenina V.I., Keizik A.S. Indeks gendernogo neravenstva: metodika rascheta i realizatsiya [Gender inequality index: methods of calculation and implementation]. *Srednerusskij vestnik obshhestvennykh nauk*. <https://doi.org/10.12737/18228> (In Russ.)
28. Гуторова А.Н. Конституционно-правовой статус депутатов, работающих на постоянной и непостоянной основе // НОМОТХЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46. № 1. С. 120–125. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-1-120-125>. EDN: HCNANI
 Gutorova A.N. Konstitutsionno-pravovoi status deputatov, rabotayushchikh na postoyannoi i nepostoyannoi osnove [Constitutional-legal status of the deputies working on a constant and temporary basis]. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law series*. 2021. Vol. 46. No. 1. P. 120–125. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-1-120-125>. (In Russ.)
29. Дай Т.Р., Зиглер Л.Х. Демократия для элиты: Введение в американскую политику. М.: Юрид. лит., 1984. 320 с.
 Dye T.R., Zeigler L.H. The irony of democracy: an uncommon introduction to American politics [Russ. ed.: *Demokratiya dlya elity: Vvedeniye v amerikanskuyu politiku*. Moscow: Yuridicheskaya literature, 1984. 320 p.]
30. Даугавет А.Б. Представительная власть Санкт-Петербурга как неформальный институт (2000–2011) // Властные структуры и группы доминирования / Ред. А.В. Дука. СПб.: Интерсоцис, 2012. С. 344–369. EDN: UMSTPF
 Daugavet A.B. Predstavitel'naya vlast' Sankt-Peterburga kak neformal'nyi institut (2000–2011) [Representative power of St. Petersburg as an informal institution (2000–2011)]. *Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya* [Vlastnye struktury i gruppy dominirovaniya Power structures and dominance groups]. Ed. by A.V. Duka. St. Petersburg: Intersotsis, 2012. P. 344–369. (In Russ.)
31. Дука А.В. Мобильность и эндогенность региональных политико-административных элит // Власть и элиты. 2021. Т. 8. № 1. С. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3>. EDN: YOPBVI
 Duka A.V. Mobil'nost' i endogennost' regional'nykh politiko-administrativnykh elit [Mobility and endogeneity of regional political and administrative

- elites]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 66–99. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.3> (In Russ.)
32. Дука А.В. Политический режим и возможности протестной активности // Актуальные проблемы Европы. 2023а. № 3 (119). С. 32–54. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.02>. EDN: NAOJQW
Duka A.V. Politicheskii rezhim i vozmozhnosti protestnoi aktivnosti [Political regime and opportunities for protest activity]. *Aktual'nyye problemy Yevropy = Current problems of Europe*. 2023a. No. 3 (119). P. 32–54. <https://doi.org/10.31249/ape/2023.03.02> (In Russ.)
33. Дука А.В. Элиты в структуре политических возможностей // Власть и элиты. 2023б. Т. 10. №. 2. С. 24–43. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2>. EDN: AIVBFP
Duka A.V. Elity v strukture politicheskikh vozmozhnostej [Elites in the political opportunity structure]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2023b. Vol. 10. No. 2. P. 24–43. <https://doi.org/10.31119/pe.2023.10.2.2> (In Russ.)
34. Жохова А.А. Гендерное измерение женского политического лидерства Великобритании и Франции в XX–XXI вв. // Гендерные ресурсы социальных изменений / Отв. ред. М.Ю. Милованова, М.Б. Буланова, И.О. Шевченко. М.: РГГУ, 2024. С. 248–264.
Zhokhova A.A. Gendernoe izmerenie zhenskogo politicheskogo liderstva Velikobritanii i Frantsii v XX–XXI vv. [Gender dimension of women's political leadership in Great Britain and France in 20th–21st centuries]. *Gendernyye izmeneniya v resursakh* [Gender Resources of Social Measurements]. Ed. by M.Yu. Milovanova, M.B. Bulanova, I.O. Shevchenko. Moscow: RGGU, 2024. P. 248–264. (In Russ.)
35. Задорин И.В. Регионы «Рубежа»: территориальная идентичность и восприятие «особости» // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2018. № 2 (89). С. 102–136. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136> EDN: PILJIX
Zadorin I.V. Regiony «Rubezha»: territorial'naya identichnost' i vospriyatie «osobosti» [“Frontier” regions: territorial identity and perception of “specialness”]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)*. 2018. No. 2 (89). P. 102–136. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2018-89-2-102-136> (In Russ.)
36. Закария Ф. Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами. М.: Ладомир, 2004. 383 с.
Zakaria F. The Future of freedom: Illiberal democracy at home and abroad. [Russ. ed.: *Budushchiye svobody: neliberal'naya demokratiya v SSHA i za ikh interesy*. M.: Ladomir, 2004. 383 p.]

37. Колесник Н.В. Гендерные распределения в региональной элите (северо-запад и юг России) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2009. Т. 5. № 2. С. 72–87. EDN: KUCBAV
Kolesnik N.V. Gendernye raspredeleniya v regional'noi elite (severo-zapad i yug Rossii) [Gender distributions in the regional elite (Northwest and South of Russia)]. *Politicheskaja jekspertiza: Politeks*. 2009. Vol. 5. No. 2. P. 72–87. (In Russ.)
38. Колесник Н.В. Гендерное (не)равенство в политической власти российских регионов // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 4. С. 468–491.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652>. EDN: CKWDZJ
Kolesnik N.V. Gendernoe (ne)ravenstvo v politicheskoi vlasti rossiiskikh regionov [Gender (in) equality in political power in Russian regions]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2021. No. 4. P. 468–491. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1652> (In Russ.)
39. Колесник Н.В. Экономическая элита Крыма после 2014 г. // Социологические исследования. 2023. № 9. С. 41–50.
<https://doi.org/10.31857/S013216250027777-7>. EDN: RSJDKS
Kolesnik N.V. Ekonomicheskaya elita Kryma posle 2014 g. [Economic elite of Crimea after 2014]. *Sociologicheskie issledovaniya*. 2023. No. 9. P. 41–50. <https://doi.org/10.31857/S013216250027777-7> (In Russ.)
40. Коннелл Р. Гендер и власть: Общество, личность и гендерная политика / Пер. с англ. Т. Барчуновой; науч. ред. пер. И. Тартаковской. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 432 с.
Connell R. Gender and power: society, the person and sexual politics. [Russ. ed.: *Gender i vlast': Obshchestvo, lichnost' i gendernaya politika*. Transl. T. Barchunova. Moscow: NLO, 2015. 432 p.]
41. Крыштановская О.В., Лавров И.А. Вертикальная мобильность в российской политике // Социологические исследования. 2024. № 10. С. 25–39.
<https://doi.org/10.31857/S0132162524100039>. EDN: EXSUWW
Kryshstanovskaya O.V., Lavrov I.A. Vertikal'naya mobil'nost' v rossiiskoi politike [Vertical mobility in Russian politics]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2024. No. 10. P. 25–39. <https://doi.org/10.31857/S0132162524100039> (In Russ.)
42. Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д. Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // Полис. Политические исследования. 2002. № 3. С. 142–155. EDN: ESCVJD
Kuz'min A.S., Melvin N.Dzh., Nechaev V.D. Regional'nye politicheskie rezhimy v postsovetsoi Rossii: opyt tipologizatsii [Regional political regimes in post-

- Soviet Russia: the experience of typology]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2002. No. 3. P. 142–155. (In Russ.)
43. Кынев А.В. Двадцатилетие путинской избирательной реформы: зигзаги, превратившиеся в круговорот // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2020. № 1 (129). С. 62–75. EDN: WKDNBF
Kynev A.V. Dvadsatiletie putinskoi izbiratel'noi reformy: zigzagi, prevrativshiesya v krugovorot [Twenty years of Putin's electoral reform: zigzags that turned into a cycle]. *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture* [An inviolable reserve. Discussions about politics and culture]. 2020. No. 1 (129). P. 62–75. (In Russ.)
44. Кынев А.В. Пропорционализация региональных выборов. Положение парламентов субъектов в России и итоги первого цикла региональной избирательной реформы // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 4 (65). С. 101–114. EDN: NTKLAV
Kynev A.V. Proportsionalizatsiya regional'nykh vyborov. Polozhenie parlamentov sub'ektov v Rossii i itogi pervogo tsikla regional'noi izbiratel'noi reformy [Proportionalization of regional elections. The position of parliaments of the subjects in Russia and the results of the first cycle of regional electoral reform]. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie = Comparative constitutional review*. 2008. No. 4 (65). P. 101–114. (In Russ.)
45. Лажамая Ч.К. Клановость в политике регионов России: Тувинские правители. СПб.: Алетей, 2010. 208 с.
Lazhamaa Ch.K. *Klanovost' v politike regionov Rossii: Tuvinskiye praviteli* [Clannishness in the Politics of Russian Regions: Tuvan Rulers]. St. Petersburg: Aleteya, 2010. 208 p. (In Russ.)
46. Лапина Н.Ю. Феминизация политической элиты: изучение проблемы в рамках компаративного исследования // PRO NUNC: Современные политические процессы. Т. 9. № 1. Российская политика в региональном измерении / Предс. редкол. Р.Ф. Туровский. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. С. 96–125. EDN: OZDXQD
Lapina N.Yu. Feminizatsiya politicheskoi elity: izuchenie problemy v ramkakh komparativnogo issledovaniya [Feminization of political elites: the study of problems in the comparative project]. *PRO NUNC: Sovremennyye politicheskiye protsessy = Modern political processes*. Vol. 9. No. 1. *Russian policy in the regional dimension* / Chairman of the editorial board R.F. Turovsky. Tambov: Publishing house of TSU named after G.R. Derzhavin, 2009. P. 96–125. (In Russ.)
47. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Женщина во власти в России: карьерный рост и мотивация // Россия и современный мир. 2010. № 1 (66). С. 52–70. EDN: LKABHF

- Lapina N.Yu., Chirikova A.Ye. Zhenshchina vo vlasti v Rossii: kar'ernyi rost i motivatsiya [A woman in power in Russia: careers and motivation]. *Rossiia i sovremennyy mir*. 2010. No. 1 (66). P. 52–70. (In Russ.)
48. Любарев А.Е. Занимательная электоральная статистика. М.: Голос консалтинг, 2021. 304 с.
 Lyubarev A.E. *Zanimatel'naja jelektoral'naja statistika*. [Entertaining Electoral Statistics]. Moscow: Golos Consulting, 2021. 304 p. (In Russ.)
49. Любарев А.Е. На пути к реформе законодательства о выборах: позиция экспертов. Москва: Издательские решения, 2019а. 242 с.
 Lyubarev A.E. *Na puti k reforme zakonodatel'stva o vyborah: pozitsiya jekspertov*. [Towards reform of electoral legislation: experts' position]. Moscow: Izdatel'skie resheniya, 2019a. 242 p. (In Russ.)
50. Любарев А.Е. Распределение мандатов между партийными списками на региональных и муниципальных выборах в России // Политическая наука. 2019б. № 1. С. 165–185.
<https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.09>. EDN: ZCJNKH
 Lyubarev A.E. *Raspredelenie mandatov mezhdru partiinymi spiskami na regional'nykh i munitsipal'nykh vyborah v Rossii* [Distribution of seats between the party lists in regional elections in Russia]. *Political science (RU)*. 2019. No. 1. P. 165–185. <https://doi.org/10.31249/poln/2019.01.09> (In Russ.)
51. Майер К.У., Зольга Х. Мобильность и легитимность. Сравнение структуры возможностей в старой ФРГ и ГДР, или чему способствовала бы мобильность — стабильности или распаду ГДР? // Современная немецкая социология: 1990-е годы / Ред. В. Козловский, Э. Ланге, Х. Харбах. СПб.: Социол. об-во им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 556–573.
 Mayer K.U., Solga H. *Mobilität und Legitimität. Zum Vergleich der Chancenstrukturen in der alten DDR und der alten BRD: Haben Mobilitätschancen zu Stabilität und Zusammenbruch der DDR beigetragen*. Transl. from German. *Sovremennaya nemetskaya sotsiologiya: 1990-ye gody* [Modern German Sociology: the 1990s]. Ed. by V. Kozlovsky, E. Lange, H. Harbach. St. Petersburg: Sociological Society named after M.M. Kovalevsky, 2002. P. 556–573. (In Russ.)
52. Милованова М.Ю., Золотых Е.А. Политическая карьера женщин в России и Германии // Гендерные ресурсы социальных изменений / Отв. ред. М.Ю. Милованова, М.Б. Буланова, И.О. Шевченко. М.: РГГУ, 2024. С. 264–276.
 Milovanova M.Yu., Zolotykh E.A. *Politicheskaya kar'era zhenshchin v Rossii i Germanii* [Political career of women in Russia and Germany]. *Gendernyye sotsial'nyye izmeneniya resursov* [Gender Resources of Social Measurements].

- Ed. by M.Yu. Milovanova, M.B. Bulanova, I.O. Shevchenko. Moscow: RGGU, 2024. P. 264–276. (In Russ.)
53. Могилевкин Е.А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. СПб.: Речь, 2007. 336 с.
Mogilevkin E.A. *Kar'ernyj rost: diagnostika, tehnologii, trening* [Career growth: diagnostics, technologies, training]. St. Petersburg: Rech, 2007. 336 p. (In Russ.)
54. Нигматуллина Т.А. Клиентелизм как политический тренд регионального элитообразования // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2017. № 3 (36). С. 7–16. EDN: ZHTKJT
Nigmatullina T.A. Klientelizm kak politicheskii trend regional'nogo elitoobrazovaniya [Clientelism as a political trend of regional elite formation]. *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2017. No. 3. P. 7–16. (In Russ.)
55. Панов П.В. Региональные политические процессы в Российской Федерации в «эпоху Путина»: унификация или диверсификация? // ПОЛИТЭКС. 2006. Т. 2. № 4. С. 109–134. EDN: KVIKGT
Panov P.V. Regional'nye politicheskie protsessy v Rossiiskoi Federatsii v «epokhu Putina»: unifikatsiya ili diversifikatsiya? [Regional political processes in the Russian Federation in the “Putin era”: unification or diversification?] *POLITeKS*. 2006. Vol. 2. No. 4. P. 109–134. (In Russ.)
56. Панов П.В. Факторы своеобразия партийно-электорального ландшафта в регионах России // *Ars Administrandi* (Искусство управления). 2023. Т. 15. № 2. С. 202–223.
<https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-202-223>. EDN: DWEIAH
Panov P.V. Faktory svoeobraziya partiino-elektoral'nogo landshafta v regionakh Rossii [The party-electoral landscape dissimilarity factors in the regions of Russia]. *Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya)*. 2023. Vol. 15. No. 2. P. 202–223. <https://doi.org/10.17072/2218-9173-2023-2-202-223> (In Russ.)
57. Панов П.В., Филиппова Е.Ю. Практики распределения властных позиций в российских «национальных республиках»: проблема межэтнического баланса // Вестник Пермского университета. Политология. 2015. № 3 (31). С. 33–49. EDN: UIHXPB
Panov P.V., Filippova E.Yu. Praktiki raspredeleniya vlastnykh pozitsii v rossiiskikh «natsional'nykh respublikakh»: problema mezhetnicheskogo balansa [Practices of allocating offices in Russian “national republics”: the issues of the inter-ethnic balance]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2015. No. 3 (31). P. 33–49. (In Russ.)
58. Попова О.В. Гендерные аспекты политической карьеры российской субфедеральной элиты: мнения экспертов // Женщины в российском обществе. 2013. № 3. С. 21–30. EDN: RENOIN

- Popova O.V. Gendernye aspekty politicheskoi kar'ery rossiiskoi subfederal'noi elity: mneniya ekspertov [Gender aspects of the political career of the Russian subfederal elite: expert opinions]. *Zhenshhiny v rossijskom obshchestve* [Women in Russian society]. 2013. No. 3. P. 21–30. (In Russ.)
59. *Расторгуев С.В.* Сравнительный анализ электоральных процессов на выборах в областные думы в 2000-е гг. (на примере Костромской, Тамбовской, Рязанской областей) // Вестник Пермского университета. Политология. 2011. № 4 (16). С. 123–135. EDN: OKHIIIR
 Rastorguev S.V. Sravnitel'nyi analiz elektoral'nykh protsessov na vyborah v oblastnye dumy v 2000-e gg. (na primere Kostromskoi, Tambovskoi, Ryazanskoi oblastei) [Comparative analysis of electoral processes in elections to regional dumas in the 2000s (on the example of Kostroma, Tambov, Ryazan regions)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya* [Bulletin of Perm University. Political Science]. 2011. No. 4 (16). P. 123–135. (In Russ.)
60. *Расторгуев С.В.* Экономическая власть депутатов областных парламентов // Власть. 2012. № 10. С. 108–116. EDN: PEOBDH
 Rastorguev S.V. Ekonomicheskaya vlast' deputatov oblastnykh parlamentov [Economic power of deputies of regional parliaments]. *Vlast'* [Power]. 2012. No. 10. P. 108–116. (In Russ.)
61. *Руденкин Д.В.* Полюсы политической активности российской молодежи: сравнение активистов провластных и оппозиционных движений // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 55. С. 203–215.
<https://doi.org/10.17223/1998863X/55/21>. EDN: OERFXK
 Rudenkin D.V. Polyusy politicheskoi aktivnosti rossiiskoi molodezhi: sravnenie aktivistov provlastnykh i oppozitsionnykh dvizhenii [Poles of political activity of Russian youth: comparison of activists of pro-government and opposition movements]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political Science]. 2020. No. 55. P. 203–215.
<https://doi.org/10.17223/1998863X/55/21> (In Russ.)
62. *Рюде Дж.* Народные низы в истории, 1730–1848 / Пер. с англ. Е.И. Бухаровой, А.О. Зелениной. М.: Прогресс, 1984. 320 с.
 Rudé G. The Crowd in History. A Study of Popular Disturbances in France and England, 1730–1848 [Russ. ed. Ryude Dzh. *Narodnyye nizy v istorii, 1730–1848* / Transl. by Ye.I. Bukharova, A.O. Zelenina. M.: Progress, 1984. 320 p.]
63. *Силласте Г.Г.* Мировой гендерный ландшафт и страновой гендерный порядок в условиях глобальной трансформации социальных систем // Век глобализации. 2022. № 3. С. 112–131. <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.03.0>

- Sillaste G.G. Mirovoi gendernyi landshaft i stranovoi gendernyi poryadok v usloviyakh global'noi transformatsii sotsial'nykh sistem [The global gender landscape and the country gender order in the context of global transformation of social systems]. *Vek globalizatsii* [The Age of Globalization]. 2022. No. 3. P. 112–131. <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.03.0> (In Russ.)
64. Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. 1997. № 3. С. 5–23.
Sleptsov N.S., Kukolev I.V., Ryskova T.M. Novaya legitimnost' regional'nykh liderov [New legitimacy of regional leaders]. *Sociologiya vlasti = Sociology of power*. 1997. No. 3. P. 5–23. (In Russ.)
65. Сорокин П.А. Социальная мобильность / Пер. с англ. М.В. Соколовой. М.: Academia; LVS, 2005. XX+588 с.
Sorokin P. Social Mobility [Russ. ed.: *Sotsial'naya mobil'nost'*. Moscow: Academia, LVS, 2005. XX+588 p.]
66. Тев Д.Б. Депутаты Государственной Думы РФ: особенности карьеры после прекращения полномочий // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 1. С. 106–133.
<https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133>. EDN: XNYZET.
Tev D.B. Deputaty Gosudarstvennoi Dumy RF: osobennosti kar'ery posle prekrashcheniya polnomochii [Deputies of the State Duma of the Russian Federation: Career characteristics after the termination of office]. *Sociologicheskoe obozrenie = The sociological review*. 2018. Vol. 17. No. 1. P. 106–133. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2018-1-106-133> (In Russ.)
67. Тев Д.Б. Депутаты фракций Единой России и КПРФ в Государственной Думе: сравнительный анализ карьеры после ухода с должности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 217–238.
<https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248>. EDN: XZFPTC
Tev D.B. Deputaty fraktsii Edinoi Rossii i KPRF v Gosudarstvennoi Dume: sravnitel'nyi analiz kar'ery posle ukhoda s dolzhnosti [Deputies of the United Russia and CPRF Fractions in the State Duma: A comparative analysis of careers after leaving office]. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2023. No. 4. P. 217–238. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2023.4.2248> (In Russ.)
68. Тев Д.Б. Региональная административная элита: социально-профессиональные источники рекрутирования и карьера // Власть и элиты. 2022. Т. 9. № 2. С. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. EDN: RXYACY
Tev D.B. Regional'naya administrativnaya elita: sotsial'no-professional'nye

- istochniki rekrutirovaniya i kar'era [Regional administrative elite: socio-professional sources of recruitment and careers]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2022. Vol. 9. No. 2. P. 146–171. <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.2.6>. (In Russ.)
69. Тев Д.Б. Спикеры региональных законодательных собраний: карьерные пути и каналы рекрутирования // *Власть и элиты*. 2021. Т. 8. № 1. С. 28–65. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2>. EDN: CGOTCJ
- Tev D.B. Spikery regional'nykh zakonodatel'nykh sobranii: kar'ernye puti i kanaly rekrutirovaniya [Speakers of regional legislatures: career routes and recruitment channels]. *Vlast' i elity = Power and elites*. 2021. Vol. 8. No. 1. P. 26–65. <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.1.2> (In Russ.)
70. Тев Д.Б. Федеральная административная элита России: особенности карьеры после ухода с должности // *Полис. Политические исследования*. 2023. № 1. С. 130–146. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.1>. EDN: BBGNON
- Tev D.B. Federal'naya administrativnaya elita Rossii: osobennosti kar'ery posle ukhoda s dolzhnosti [Federal administrative elite of Russia: features of a career after leaving office]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 2023. No. 1. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.01.10> (In Russ.)
71. Туровский Р.Ф. Институциональный дизайн российской региональной власти: кажущаяся простота? // *Общественные науки и современность*. 2011. № 5. С. 82–92. EDN: OGDXDZ
- Turovsky R.F. Institutsional'nyi dizain rossiiskoi regional'noi vlasti: kazhushchaya-sya prostota? [Institutional design of Russian regional government: apparent simplicity?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity]. 2011. No. 5. P. 82–92. (In Russ.)
72. Туровский Р.Ф. Электоральное пространство России: от навязанной национализации к новой регионализации? // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2012. № 3 (66). С. 100–120. EDN: SLCEKJ
- Turovsky R.F. Elektoral'noe prostranstvo Rossii: ot navyazannoi natsionalizatsii k novoi regionalizatsii? [Electoral space of Russia: from imposed nationalization to new regionalization?] *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [Politics: An analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)]. 2012. No. 3 (66). P. 100–120. (In Russ.)
73. Туровский Р.Ф., Сухова М.С. Кооптация оппозиции в региональных парламентах России: игра с нарушением правил // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2021. № 2 (101). С. 121–143. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>. EDN: FPMYFY.

- Turovsky R.F., Sukhova M.S. Kooptatsiya oppozitsii v regional'nykh parlamentakh Rossii: igra s narusheniem pravil [Cooptation of opposition in Russian regional parliaments: game that breaks rules]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sociologii politiki)* [Politics: An analysis. The chronicle. Prognosis (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics)]. 2021. No. 2 (101). P. 121–143.
<https://doi.org/10.30570/2078-5089-2021-101-2-121-143>. (In Russ.)
74. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В.Р. Рокитянского. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
Huntington S. Political order in changing societies. [Russ. ed.: *Politicheskij porjadok v menjajushhihsja obshhestvah*. Transl. by V.R. Rokityansky. Moscow: Progress-Tradiciya publ., 2004. 480 p.]
75. Хекхаузен Х. Психология мотивации достижения / Пер. с англ. СПб.: Речь, 2001. 256 с.
Heckhausen H. The Anatomy of Achievement Motivation [Russ. ed.: *Psikhologiya motivatsii dostizheniy*. St. Petersburg, 2001. 256 p.]
76. Чирикова А.Е., Лапина Н.Ю. Женщина на высших этажах власти. Российские практики и французский опыт. М.: Институт социологии РАН, 2009. 72 с.
Chirikova A.Ye., Lapina N.YU. *Zhenshchina na vysshikh etazhakh vlasti. Rossiyskiye praktiki i frantsuzskiy opyt* [A woman at the highest levels of power. Russian practices and French experience]. Moscow: Institut sotsiologii RAN, 2009. 72 p. (In Russ.)
77. Шведова Н.А. ООН и гендерное равенство: давно назрела необходимость «сочетать риторику с ресурсами» // Женщина в российском обществе. 2024. № 4. С. 156–166.
<https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.4.10>. EDN: HDAOAC
Shvedova N.A. OON i gendernoe ravenstvo: davno nazrela neobkhodimost' «sochetat' ritoriku s resursami» [The UN and gender equality: it's long overdue to «match rhetoric with resources»]. *ZHenshchina v rossijskom obshchestve* [A woman in Russian society]. 2024. No. 4. P. 156–166.
<https://doi.org/10.21064/WinRS.2024.4.10> (In Russ.)
78. Шириков А. Анатомия бездействия: Политические институты и конфликты в бюджетном процессе регионов России. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2010. 276 с.
Shirikov A. *Anatomija bezdejstviya: Politicheskie instituty i konflikty v byudzhetnom processe regionov Rossii* [Anatomy of inaction: political institutions and conflicts in the budget process of Russian regions]. St. Petersburg: European University in St. Petersburg publ., 2010. 276 p. (In Russ.)

79. Шкель С.Н. Скованные одной цепью. Выборы, этнический фактор и патронажная политика в регионах России. М.: Новый Хронограф, 2024. 224 с.
Shkel S. *Skovannyye odnu tsep'yu. Vybery, etnicheskiy faktor i patronazhnaya politika v regionakh Rossii* [Chained by one chain elections, ethnic factors and patronage policy in the regions of Russia]. Moscow: Novy Khronograf, 2024. 224 p. (In Russ.)
80. Annesley C. Rules of ministerial recruitment. *Politics & Gender*. 2015. Vol. 11. No. 4. P. 618–642. <https://doi.org/10.1017/S1743923X15000434>
81. Bernard J., Čerma'k D. Vzestupné a sestupné politické dráhy českých poslanců a senátorů. *Acta Politologica*. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 22–42. https://doi.org/10.14712/1803-8220/3_2020
82. Bernard R., Shames S., Teele D.L. To emerge? Breadwinning, motherhood and women's decisions to run for office. *American political science review*. 2021. Vol. 115. No. 2. P. 379–394. <https://doi.org/10.1017/S0003055420000970>
83. Bolle de Bal M. Motivation. *Concise encyclopaedia of participation and co-management*. Ed. by G. Széll. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. P. 552–557.
84. Borchert J. Individual ambition and institutional opportunity: A conceptual approach to political careers in multi-level systems. *Regional & Federal Studies*. 2011. Vol. 21. No. 2. P. 117–140. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.529757>
85. Borchert J. Professional politicians: Towards a comparative perspective. *the political class in advanced democracies*. Ed. by J. Borchert, J. Zeiss. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 1–25.
86. Borchert J., Stolz K. Institutional order and career patterns: Some comparative considerations. *Regional & federal studies*. 2011. Vol. 21. No. 2. P. 271–282. <https://doi.org/10.1080/13597566.2011.530022>
87. Botella J., Rodríguez Teruel J., Barberà O., Barrio A. A new political elite in Western Europe? The political careers of regional prime ministers in newly decentralised countries. *French Politics*. 2010. Vol. 8. No. 1. P. 42–61.
88. Caciagli M. *Regioni d'Europa: devoluzioni, regionalismi, integrazione europea*. Firenze, Italy: Il Mulino, 2003.
89. Carroll S.J. Political elites and sex differences in political ambition: A reconsideration. *The Journal of Politics*. 1985. Vol. 47. No. 4. P. 1231–1243. <https://doi.org/10.2307/2130817>
90. Clark C., Clark J. The gender gap in Yugoslavia: Elite versus mass levels. *Political psychology*. 1987. Vol. 8. No. 3. P. 411–426.

91. Dodeigne J. (Re-)assessing career patterns in multilevel systems: Insights from Wallonia in Belgium. *Regional & Federal Studies*. 2014. Vol. 24. No. 2. P. 151–171. <https://doi.org/10.1080/13597566.2013.865605>
92. Dodeigne J. Who governs? The disputed effects of regionalism on legislative career orientation in multilevel systems. *West European Politics*. 2018. Vol. 41. No. 3. P. 728–753. <https://doi.org/10.1080/1402382.2017.1415549>
93. Escobar-Lemmon M., Taylor-Robinson M. Women ministers in Latin American government: when, where, and why? *American Journal of Political Science*. 2005. Vol. 49. No. 4. P. 829–844. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2005.00158.x>
94. Eulau H., Buchanan W., Ferguson L.C., Wahlke J.C. Career perspectives of American state legislators. *Political decision-makers*. Ed. by D. Marvick. New York: Free Press, 1961. P. 218–263.
95. Fiorina M.P. Further evidence of the partisan consequences of legislative professionalism. *American journal of political science*. 1999. Vol. 43. No. 3. P. 974–977. <https://doi.org/10.2307/2991843>
96. Franceschet S., Piscopo J.M. Sustaining gendered practices? Power, parties, and elite political networks in Argentina. *Comparative political studies*. 2014. Vol. 47. No. 1. P. 85–110. <https://doi.org/10.1177/0010414013489379>
97. Gandhi J., Przeworski A. Authoritarian institutions and the survival of autocrats. *Comparative political studies*. 2007. Vol. 40. No. 11. P. 1279–1301. <https://doi.org/10.1177/00104140073058>
98. Golosov G. Growing old without grace: electoral authoritarianism and the age composition of Russia's regional legislative assemblies. *Representation*. 2014. Vol. 50. No. 4. P. 509–526. <https://doi.org/10.1080/00344893.2014.979223>
99. Golosov G.V. Legislative turnover and executive control in Russia's regions (2003–2014). *Europe-Asia studies*. 2017. Vol. 69. No. 4. P. 553–570. <https://doi.org/10.1080/09668136.2017.1337871>
100. Guttsman W.L. *The British political elite*. London: MacGibbon and Kee, 1963. 398 p.
101. Harasymiw B. Mosca and Moscow: Elite recruitment in the Soviet Union. *Does who governs matter? Elite circulation in contemporary societies*. Ed. by M.M. Czudnowski. Chicago: Northern Illinois University Press, 1982. P. 265–292.
102. Harasymiw B. *Political elite recruitment in the Soviet Union*. London: MacMillan Press, 1984. XVIII+277 p.

103. Harvie C. *The rise of regional Europe*. London: Routledge, 1994. 112 p.
104. Inglehart R., Norris P. *Rising tide. Gender equality and cultural change around the world*. New York: Cambridge University Press, 2003. 219 p.
105. Jensen N.M., Malesky E., Weymouth S. Unbundling the relationship between authoritarian legislatures and political risk. *British journal of political science*. 2014. Vol. 44. No. 3. P. 655–684. <https://doi.org/10.1017/S0007123412000774>
106. Johns G. Electorate wins battle, élites winning war. *IPA Review*. 2001. Vol. 53. No. 4. P. 11–12.
107. Keating M. *The new regionalism in Western Europe: Territorial restructuring and political change*. Northampton: Edward Elgar, 1998. IX+242 p.
108. Landau M. Ser Jefe de Gobierno de la Ciudad de Buenos Aires: la jerarquización de un cargo político y su impacto en la Argentina reciente. *Pléyade. Revista de humanidades y ciencias sociales*. 2001. No. 28. P. 140–160. Accessed 08.08.2024. URL: https://ri.conicet.gov.ar/bitstream/handle/11336/207778/CONICET_Digital_Nro.85d8c875-0942-40c7-aa98-6f9289182d78_C.pdf?sequence=5&isAllowed=y
109. Lane R.E. *Political life: Why people get involved in politics*. New York: Free Press, 1965. 374 p.
110. Lasswell H.D. The study of political elites. *Harold D. Lasswell on political sociology*. Ed. by D. Marvick. Chicago: The University of Chicago Press, 1977. P. 114–134.
111. Malesky E., Schuler P. Nodding or needling: Analyzing delegate responsiveness in an authoritarian parliament. *American political science review*. 2010. Vol. 104. No. 3. P. 482–502. <https://doi.org/10.1017/S0003055410000250>
112. Mosca G. *The ruling class*. New York; London: McGraw-Hill book company, inc., 1939. XII+514 p.
113. Norris P., Lovenduski J. *Political recruitment. Gender, race and class in the British Parliament*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 320 p.
114. Ono Y., Endo Y. The underrepresentation of women in politics: A literature review on gender bias in political recruitment processes. *Interdisciplinary Information Sciences*. 2024. Vol. 30. No. 1. P. 36–53. <https://doi.org/10.4036/iis.2024.R.01>
115. Recchi E. Politics as occupational choice: Youth self-selection for party careers in Italy. *European sociological review*. 1999. Vol. 15. No. 1. P. 107–124. <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.esr.a018251>
116. Reuter O.J., Robertson G.B. Legislatures, cooptation, and social protest in contemporary authoritarian regimes. *The journal of politics*. 2015. Vol. 77. No. 1. P. 235–248. <https://doi.org/10.1086/678390>

117. Reuter O.J., Turovsky R. Dominant party rule and legislative leadership in authoritarian regimes. *Party politics*. 2012. Vol. 20. No. 5. P. 663–674.
<https://doi.org/10.1177/1354068812448689>
118. Ross C., Panov P. The range and limitation of sub-national regime variations under electoral authoritarianism: The case of Russia. *Regional & federal studies*. 2019. Vol. 29. No. 3. P. 355–380.
<https://doi.org/10.1080/13597566.2018.1530221>.
119. Samuels D. *Ambition, federalism, and legislative politics in Brazil*. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 248 p.
120. Schlesinger J. *Ambition and politics: Political Careers in the United States*. Chicago: Rand McNally, 1966. 226 p.
121. Semenova E. The patterns of political career movements in the Russian Federation: The case of regional governors, 1991–2021. *Regional & federal studies*. 2025. Vol. 35. No. 3. P. 417–436.
<https://doi.org/10.1080/13597566.2022.2155811>
122. Snowiss L.M. Congressional recruitment and representation. *American political science review*. 1966. Vol. 60. No. 3. P. 627–639. <https://doi.org/10.2307/1952975>
123. Stolz K. Moving up, moving down: Political careers across territorial levels. *European journal of political research*. 2003. Vol. 42. No. 2. P. 223–248.
<https://doi.org/10.1111/1475-6765.00081>
124. Tronconi F. Sub-national political elites. *The Palgrave handbook of political elites*. Ed. by H. Best, J. Higley. London: Palgrave Macmillan, 2018. P. 611–624.
https://doi.org/10.1057/978-1-137-51904-7_38
125. Vercesi M. Approaches and lessons in political career research: Babel or pieces of patchwork? *Revista española de ciencia política*. 2018. No. 48. P. 183–206.
<https://doi.org/10.21308/recp.48.07>
126. Vianello M. Gender. *Concise encyclopaedia of participation and co-management*. Ed. by G. Széll. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1992. P. 385–389.
127. Vianello M. Gender differences in access to and exercise of power. *Current sociology*. 2004. Vol. 52. No. 3. P. 501–518.
<https://doi.org/10.1177/0011392104043089>
128. Wiesli R. Switzerland: The militia myth and incomplete professionalization. *The political class in advanced democracies: A comparative handbook*. Ed. by J. Borchert, J. Zeiss. Oxford: Oxford University Press, 2003. P. 374–392.
129. Wright J. Do authoritarian institutions constrain? How legislatures affect economic growth and investment. *American journal of political science*. 2008. Vol. 52. No. 2. P. 322–343. <https://doi.org/10.1111/j.1540-5907.2008.00315.x>